

КРИСТИНА
ЮРАШ

КУСУЧИЙ СЛУЧАЙ

Кристина Юрьевна Юраш Кусучий случай, или няня для обреченного

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69784297
0101*

Аннотация

Таинственный красавец явился в мой дом и потребовал отдать ребенка. Детей у меня нет, но недавно у меня чудом появился ... тигренок. Разбился обычный шарик из магазина. Прощай ремонт, да здравствует лоток!

Красавец был в таком восторге от лотка, мисок и имени, что слегка озверел. И чуть меня не прикончил!

Я бы рада отдать ему моего Титикаку и попрощаться с маленькой катастрофой, но пушистая задница вцепилась в халат когтями. Я вместе со всеми очутилась в новом мире, став няней для принца. Уже здесь я узнала, что это – не заботливый папа, а злой дядя! По дворцу ходят слухи, что он убил родителей принца. А еще есть страшное пророчество...

Содержание

Пролог. Титикака	4
Глава первая. Белый, мягкий и пушистый	15
Глава вторая. Ути-пути!	25
Глава третья. Не поворачивайся к нему спиной...	34
Глава четвертая. Кот на крыше	45
Глава пятая. Внимание, смертельный номер!	54
Глава шестая. Няню приносят в жертву!	63
Глава седьмая. Доктор Айболит лечит только тех, кто не кусается!	73
Глава восьмая. Это не я!	84
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Кусучий случай, или няня для обреченного

Автор: Кристина Юраш

Пролог. Титикака

– Где ребенок?

Возле моей закрытой изнутри двери стоял мужчина неземной красоты. Серебристо белоснежные волосы и ярко-голубые глаза заставили меня на секунду пересмотреть свою любовь к роковым брюнетам с легкой небритостью. Он кутался в серебристо белые меха, на которых таяли огромные снежинки, превращаясь в капельки – бриллианты.

– Как вы вошли? – изумленно спросила я, глядя на закрытый изнутри замок. Даже цепочка висела.

Хлоп!

Рядом с ним появился еще один мужик. Потом еще один! Они были одеты в коврики из Икеи. Классные коврики! Я их, между прочим, в прошлый раз смотрела... Почти как настоящие... Но цены кусались, как живые! Чуть полкошелька мне не откусили!

– Здравсте, – схватила я за дверной проем. И за сердце.

Впервые в моей жизни мужики стадами повалили в закрытую квартиру!

– Ваше величество, – слышались учтивые голоса обладателей ковриков. – Он здесь! Ошибки быть не может! Мы приложили много усилий, чтобы вычислить его в этом мире...

– Это кто? – спросило это неземное существо, смерив меня брезгливым взглядом.

От гостей веяло холодом. На мехах таяли снежинки. Бррр!

– Я, между прочим, здесь живу! – сощурилась я, на некое величество.

Тут сразу понятно, что величества хоть отбавляй!

Четко очерченные скулы, ледяной, пронизывающий взгляд и поджатые губы, вызывали у меня странные опасения. Белоснежные одежды серебрились красивым узором, похожим на изморозь. Серебряные кольца с огромными камнями унизывали каждый палец и сверкали льдинками.

Тот, кого называли Его Величеством, мягкими шагами подошел ко мне. Зато позади него «коврики» затопали, как слоны.

– Скажи мне, он у тебя? – слышался мягкий голос. Меня взяли за подбородок и приподняли так, что пришлось встать на цыпочки, как балерина.

Мне в глаза смотрели две красивые льдинки.

– Вы про кого? – спросила я удивленно. – Эм... Здесь нет никаких детей... Здесь только я и...

– И? – спросили у меня, заглядывая в глаза.

Я увидела тонкую полоску зрачка, разделяющую радужку на две равные части.

– Отвечай, простолюдинка!!! – зарычали мне в лицо. Волосы на голове зашевелились, когда я увидела острые клыки.

– И... – сглотнула я, пытаюсь убрать руку. – А не могли бы вы повежливей! Вы не у себя дома, между прочим! Это – моя квартира!

– Ваше Величество, – прошептал бородатый «коврик» справа. – Напоминаю вам. Это – другой мир. Постарайтесь... дипломатичней, если можно так выразиться...

– Хорошо, – недовольно скривился красавец, продолжая держать меня на цыпочках. – Скажи....

– Пожалуйста, – подсказывали ему на ухо, тоже вставая на цыпочки. Только сейчас я заметила, что ростом он за два метра. И люстра в коридоре прозвенела и чуть не стала его короной!

– Пожалуйста, – муркнуло величество, пытаюсь изобразить вежливую улыбку. – Не у тебя ли находится маленький... тигр?

– Может, отпустите для начала, – вцепилась я в его руку, чтобы не потерять равновесие. – Вот! Так намного лучше! Одну минуточку, я в себя приду!

– Помогите! Спасите! Воры!!! – закричала я, пытаюсь открыть дверь.

– Вы что делаете? – переполошились коврики, оттаскивая

меня от двери.— Мы не воры!

— Вы воруете у меня нервные клетки! — возмутилась я, пытаясь пробиться к двери.

— Простите, — поняла я, что к двери меня не пустят. — Чтобы прийти в себя, нужно для начала выйти из себя! Одну минутку!

Минуточки, чую, не хватит. Понадобится долгое комплексное лечение. У меня мужики в коридоре материализуются. Сами по себе!

— Не спорь с ним... — подсказывал тихий голос. Рядом со мной прошел один из ковриков. — Поверь, лучше не надо... Его величество очень скор на расправу...

От этих слов у меня мороз пробежал по коже.

— Да, он у меня, — вздохнула я, глядя на таинственных гостей, умеющих входить в закрытые двери.

— Скажи, что ты королева, — слышался тихий-тихий умоляющий голос одного из ковриков. — Умоляю... И это королевский дворец... Мы потом все объясним...

— Д-д-добро пожаловать в мой... к-к-королевский дворец! — запахнула я «королевский» халат в «королевский» цветочек и шоркнула королевскими тапочками. — Простите, что без... эм... короны... Просто у нас не самое богатое государство...

— Я уже заметил, — слышался недовольный голос, пока я с тревогой смотрела на притихшие в покорном ожидании «коврики».

– Туда не надо! – дернулась я, перекрывая вход в туалет. – Там... Тронный зал... Не убран немного... Там ничего интересного!

Но дверь открылась раньше, чем я успела.

– Ну да, – пожала я плечами, слегка смущаясь. – Я тут принимаю важные сообщения! Эти, как его, депеши! И решаю все дела ... эм... государственной важности!

– А эта штука зачем? – спросил пытливый коврик без бороды. Он показал пальцем на освежитель воздуха.

– Ой, вы знаете, – выкручивалась я. – В нашем королевстве, кто только не приходит... Вот... И я освежителем пользуюсь... Мало ли... Крестьяне всякие... Смерды...

– Нужно взять на заметку! – закивали коврики. – У нас тоже от крестьян вонь такая в тронном зале, что его величеству срочно нужен освежитель! Надо будет разработать!

– Значит, ты королева, – слышался пугающий меня голос. Он прозвучал с некоторым сомнением.

По мне скользнули острым лезвием взгляда, двигаясь вслед за мной абсолютно бесшумно.

– Ну да... На пол ставки. Утром я ... счетовод, а как сюда прихожу, то ... королева! Ой, туда не надо! Там у меня там... свекровищица... Буду чьей-то свекровью, выдам! Сокровищица, – оправдывалась я, глядя на «коврики».

Моя рука захлопнула кладовку, опередив любопытных гостей. Еще бы, там стояли швабры, тряпки и прочая ерунда. Но пусть думают, что там еще три километра квадратных

дворца.

«Коврики» округлили глаза и нервно закивали.

– Вот! Сюда! – пригласила я в студию.

– Вот! Титикака! – показала я рукой в сторону остатков дивана. Там, в подушках, что-то ерзало.

– Кто?! – хором выдали гости, глядя на меня, как на покойника.

– Эм... Я долго думала, как его назвать... И решила, что ... Титикака, – скромно заметила я. – Нет, вариантов было много! Мисипися, Чайник, Тунец... Как бы так...

– Имянаречение, – послышался умирающий голос одного из коврика. – Имянаречение состоялось... О, нет...

– Титикака! – игриво позвала я. – Смотри, кто пришел! А ну иди сюда, задница пушная! Иди к маме! Так, вредная Писядрися! А ну отдал мой тапок! Потом стразиками какать будешь! Смотри, кто пришел?

Его величество хранил молчание. Он был настолько бледен, что мне показалось, он явно нездоров. Может, простыл? От него все еще веяло холодом, поэтому я старалась держаться от него подальше.

– Титикака, – ласково позвала я пушистую задницу. Ко мне с рычанием бросился комок моих нервов.

– Это конец... Принца зовут ... Титикака... – простонал коврик, сползая по стене. Второй на всякий случай отошел в сторону.

– Принца? – спросила я, поднимая с уханьем на руки пу-

шистый голубоглазый ком. – А! Тебя зовут Принц! Понятно! Просто я его как-то мальчиком по умолчанию считала! И глюком! Думала – глюк!

Ой, а вдруг они тоже... глюки?

– Надеюсь, вы оказали ему все почести? – слышался тихий голос одного из ковриков. – Все королевские почести?

– Ну да! Я купила ему лоток! – показала я на опилки. – Пора менять уже... Правда, это не совсем лоток, это поддон для обуви, но он как бы тоже... Справляется! А вот его мисочки на полу... Водичку меняла... Каждый день... А вот у нас ... эм... так сказать, папа... Кормилец наш!

Я показала на холодильник.

– Вот тут он у меня спал. Просто со шкафа он три раза падал. И мне пришлось поставить коробки, – показывала я, чувствуя, как меня жуют за ухо и урчат. – Вот здесь у нас когтеточка... Точнее, она везде... Но это кресло почему-то было любимым! Ели мы сегодня три окорочка, пельмени... Тапок... Тоже съели! О! А вот и часть тапка! Ждем вторую!

– Еще раз. Ты назвала кронпринца принца, моего племянника... Титикакой? – слышался доселе молчавший голос.

– Да, а что? – удивилась я, глядя на тигренка, который попал ко мне совершенно невероятным способом.

– Я ее сейчас разорву!!! – прорычало его величество, а его глаза вспыхнули.

– Ваше величество, пожалуйста! – умоляли коврики. – А вдруг война будет? А? Вдруг ее государство войну объявит!

– Да! – отходила я в сторону, прижав к себе белого пушистого тигренка. – У меня войско... эм... три тысячи!

«Тараканов!», – мысленно добавила я.

– Они придут и ... – убеждала я, но уже не очень уверенно.

«Будут у вас жить!», – мысленно добавила я, не зная, что сказать.

Его величество был похож на страшного дикого зверя. Из его тонких пальцев медленно появлялись когти. Все это напоминало дурной сон.

– Ваше величество! – коврики бросились наперерез. – Она спасла принцу жизнь! Заботилась о нем! Может...

Но договорить они не успели!

– Ой! – пискнула я, прикрывая собой тигренка.

Когти оставили росчерк перед моим лицом. Внезапно я почувствовала, как кто-то принюхивается. Причем так шумно. И ко мне...

– Это чем же ты пахнешь? – спросил подозрительный голос.

– К-к-как чем? – спросила я, открывая глаза. Все прошло так же быстро, как и началось. – Ду-духами... И валерьянкой... Просто тут без нее никак...

Маги показывали, что-то вроде: «Говори, говори!». И косились на его величество.

– Я могу все объяснить! – пролепетала я, чувствуя, как у меня пытаются вырвать тигренка из рук. Но он намертво вцепился в халат.

Один рывок, и я из приличной девушки превратилась в неприличную.

– Ой! – я попыталась запахнуть халат, краснея. Тигренок уже был на чужих руках, но когти его крепко держали халат.

И тут он ... укусил! Не меня, а его величество.

Алая кровь проступила на бледной руке, а тигренок воспользовался заминкой и чебурахнулся вниз, таща за собой меня и халат.

И вот он уже карабкался по мне, урча и открывая зубастую пасть. Я погладила его исцарапанной рукой, понимая, что он почему-то не очень хочет обратно. И это мне показалось странным.

– Понимаете... – начала я, вспоминая все с самого начала.

Все случилось три дня назад. Именно тогда я поняла, что моему кошельку срочно нужен телохранитель!

Чтобы ходил со мной солидный шкаф в магазин в черной одежде и в черных очках.

«Первый, первый! Обнаружена скидка!», – сурово бухтит он в приемник. – «Хватайте ее и тащите к кассе».

– Я просто купила шарик в магазине! Знаете, там много таких было. Новогодние! С тигром! – нервничала я, пытаюсь отвоевать халат. – Принесла домой, поставила, а потом ... я не помню, как это получилось, но ... он упал и разбился... И вот!

Попа усердно пыталась нащупать табуретку. Но пока что безуспешно. Наконец-то дрожащая попа нащупала уголок

сидушки и крепко сжала ее. Чтобы та не убежала!

– У меня в квартире... ой, простите... в королевстве... Я забыла просто, – мяла я пояс от халата. – Появился Титика-ка! Садитесь на ди-диван... Только осторожней, а то он развалится!

На диване виднелись следы от когтей.

– И на окорочке не поскользнитесь! – предупредила я, выигрывая неравных бой за тигренка. – Он там, возле дивана! Так вот, он у нас рос в полной семье! Он, мама и папа – холодильник! Еще бы, кормит и урчит! Так что, ребенку было комфортно!

– Достаточно! – рывкнуло его величество. – Мне это уже не интересно!

Я шмыгнула, глядя на разорванные обои, лужу на ковре, разбросанные опилки, царапины на холодильнике «Папа, дай ням-ням!».

– Он жил в таком хлеву... – послышался брезгливый голос Его Величества. Он даже не подумал присесть на диван.

– Между прочим, до его появления здесь как бы был ремонт! – сообщила я, чувствуя, как жуют мой палец.

– Значит так, – послышался голос его величества. – Если все действительно так, как ты говоришь, то ты заслужила награду...

– Награду? – удивилась я, и тут же смутилась. – Ой, да ладно!

На пол упал звенящий мешок. Я даже не стала смотреть,

что в нем. «Коврики» расстарались.

Его величество безотрывно смотрел на тигренка, который ловил прядь моих волос.

– Достаточно. Ребенка сюда! – произнесло его величество. – Неужели у меня дел нет, чтобы слушать всякий бред.

Я смотрела в глаза тигренку, которого вырвали у меня из рук вместе с куском халата. Он рычал, пытаясь дотянуться до меня лапой.

– Пока, малыш! – помахала я рукой. В душе вращалось странное чувство. Может, не стоило его отдавать? Может, ему там угрожает опасность? Или...

– Арррр! – выдало маленькое бедствие, пытаясь слезть с рук и броситься ко мне.

– Постойте, – запереживала я. – А вы ему точно ничего плохого не сделаете?

Сияние окутало и ковриков, и его величество, и тигренка. Как вдруг он выскользнул и ударил меня лапой, цепляя за халат.

– Что? Ой? Как это? – я почувствовала, что сияние окутывает теперь и меня. Я честно пыталась снять коготь, но было уже поздно.

Я очутилась в роскошном сверкающем инеем тронном зале.

Глава первая. Белый, мягкий и пушистый

Бывает же такое, когда тебя ослепляет сияние и белизна.

Я пыталась прийти в себя, видя, как искрятся инеем стены, как огромная люстра сосульками застыла над огромным залом.

Среди роскошных нарядов в рваном халате я чувствовала себя как-то неудобно. Пока все присутствующие блистали бриллиантами, я блестела жирными пятнами от жареной картошки.

– Принц вернулся!!! – разразились радостными криками придворные. – Наследный принц вернулся!!! Ура!!! Он жив!!!

Все переглядывались, поздравляя друг друга с возвращением принца. Брови его величества недовольно съехались на переносице, заставив восторженные голоса стихнуть. Радость мгновенно померкла. Головы покорно опустились вниз.

Мужчины застыли в поклонах, женщины в реверансах. Весь зал стоял, словно статуи, разучившись дышать.

Мне казалось, что в такой тишине слышно было, как матерится муха, облетая сосульки люстры.

Его Величество шло нарочито плавно и медленно, глядя

поверх склоненных голов. Он нес на руках невозмутимого Титикаку, который тащил меня за собой упорно не желая отпустить.

Я упиралась, но снять халат не могла! Здесь могли быть дети! А у меня под халатом из одежды только совесть.

Где-то на половине пути я потеряла тапок, но тормозить не стала.

– Пусти, – пыталась отцепить я лапу, семена за его величеством незаметным хвостиком.

Позади нас топали те самые коврики, замыкая процессию. Если бы не их топание, меня бы быстро рассекретили, но его величество пока меня не замечал. А может, просто делал вид.

Придворные смотрели на меня смотрели с удивлением. Все перешептывались и переглядывались: «Кто это?».

– Если что, я – девочка, – мрачно прошипела я, пытаюсь снять лапу.

Его Величество резко повернул голову.

– Забыли, как выглядит ваш король? – зловещим голосом произнесло его величество.

С этой стороны придворные склонились еще ниже. Я видела, как дрожит рука какой-то дамы, растягивающей дорожную пышную юбку в реверансе. Как на носу блестит капелька пота немолодого мужчины, немигающим взглядом уставившимся нам под ноги.

– Слышишь, пушная попка, отпусти! – шипела я, чув-

ствуя, что меня мало того, что держат, так еще и тянут к себе, пытаюсь укунить за прядь волос.

Видимо, я замешкалась, спасая последний тапок, слетевший с ноги. Его величество обернулся и увидел меня. Он посмотрел на меня такими глазами, словно в местном уголовном кодексе обзывание его величества «пушной попкой» является преступлением и карается до пяти дней спальной строгого режима и конфискацией девственности. Вне зависимости от пола.

Его величество попытался лично отцепить от меня пушистый «репейник», но стоило ему дернуть украдкой лапу, кивнув страже, как вдруг послышался рев Титикаки. Он тянул ко мне лапу, срочно требуя прицепить меня обратно.

– Принц ревет! – заперезживали придворные.

Его величество посмотрел на орущего Титикаку. И тут же присобачил лапу обратно!

Стража по кивку вернулась на свои места.

Титикака тут же успокоился и снова стал пытаться достать меня второй лапой.

Меня дернуло вперед, увлекаемую вслед за его величеством. Титикака снова зевнул зубастой пастью, сладенько зажмурившись. Ой, чую, я сейчас тоже зажмурюсь!

Его величество грациозно уселся на трон, обведя высокомерным взглядом присутствующих. Я уже поняла, кто здесь самый мягкий белый, мягкий и пушистый!

Я стояла рядом с троном, склонившись буквой «зю». Ла-

па держала меня за халат, пока я тщетно пыталась ее снять с себя. Халат был распахнут, напрочь лишая мужскую фантазию непосильной работы.

– Может, отцепите? – прошептала я, глядя на красивый профиль его величества. – Мне и награды не надо! Верните меня домой!

– Стой, как стоишь, – слышался едва слышный голос. Он прошептал это почти не разжимая губ.

Я пыталась хотя бы стянуть халат руками, прикрыв двойную экспозицию, но Титикака решил, что я с ним играю. Поэтому раскрывал пасть, требуя отдать свободную руку для добровольного компостирования острыми зубами.

Его величество поглаживало моего Титикаку.

– Впервые в жизни они сидит тихо, – слышался голос за моей спиной. Я повернула голову, видя одного из «ковриков». – Раньше такого никогда не было. Он никогда так тихо не сидел.

И это вы называете тихо?!

– Ай-ай-ай! Маме больно, – прошептала я, пытаюсь спасти свои волосы, за которые меня тянули к себе.

Малыш уже перевернулся на спину и решил, что мои волосы уже достаточно натерпелись. Теперь он тянул в рот прядь пепельных волос.

– Прекрати! – сквозь зубы зловещим голосом произнесло его величество

– Ваше Величество, – слышался тихий голос слуги, по-

ка я сражалась с Титикакой.

Он поспал, покушал и покакал. Поэтому был полон сил и энергии.

Хрустальный бокал на серебристом подносе с золотыми узорами ждал, когда его возьмет королевская рука. Слуга поспешил удалиться, напоследок сверкнув подносом прямо мне в глаза. Я уперлась руками в подлокотник, видя, что Титикака уже схватил чужие волосы. И теперь пережевывает их с задумчивым видом, словно пытается отыскать тонкие оттенки вкуса.

Всем видом он показывал, что не желает быть принцем. И в будущем мечтает стать парикмахером.

– Ай, маме больно, – сдавленно прошептала я, снимая когти свободной лапы с руки. Малыш одновременно умудрялся жевать волосы, бодаться, брыкаться, держать меня лапой и пытаться заехать второй мне по носу.

Я посмотрела на свои исцарапанные руки и ноги, обещая себе в следующий раз смотреть на тигров только по каналу «Живая природа».

– Сколько можно перед ним выстилаться! Ниже пасть уже некуда! Посмотрите, в кого мы превратились! Долой узурпатора! – внезапно выкрикнул кто-то из толпы, вызвав переполох. – Трон принадлежит принцу! Убийца! За мной, братья!

Толпа тут же расступилась, намекая, что в революционной семье он – единственный ребенок.

Его величество резко встал и жестом отдал приказ. Стра-

жа, сминая толпу, бросилась в сторону одинокого смутьяна.

– Твой брат был истинным королем! – кричал мужик, упираясь, когда стража волокла его в сторону дверей. – Ты всего – лишь узурпатор! Нас много, кто так считает! За принца! За истинного правителя! Помните мои слова! Боритесь. Сражайтесь! Не прекращайте борьбу!

Все так и поняли.

Его величество поднял бокал, придерживая его тонкую хрустальную ножку двумя пальцами и улыбнулся, глядя на придворных.

– За здоровье тех, кто последует его совету, – спокойно заметил он, осушая бокал до половины и ставя на подлокотник трона.

Так, а вот это мне уже не нравится! Теперь понятно, почему бедный малыш не хотел возвращаться сюда!

Я посмотрела с ужасом на его величество, а потом на бедного Титикаку. Где-то внутри меня что-то негодовало. Значит, трон принадлежит принцу, а дядя просто захватил власть! И бедного Титикаку здесь обижают!

Мне хотелось схватить малыша и унести его отсюда. Хотя мы и были с ним знакомы три дня и два дивана, но оставлять его на растерзание этому чудовищу я не собиралась!

Ледяной взгляд его величества скользнул по придворным.

– Напоминаю, что революции, мятежи проводятся строго в отведенное время, в строго отведенном месте. Если есть желание, вас немедленно туда отведут.

Все молчали, словно боялись проронить даже слово. Счастливые улыбки стерлись с их лиц.. Словно невидимая тень опустилась на сверкающий зал.

Его Величество прижал к себе Титикаку, усаживая его на коленях. Я следила за рукой, которая гладит Титикаку и успокаивалась. Может, здесь все не так плохо? Может, это я себя накручиваю?

Огромный белый пушистый котенок вертелся на чужих коленях, не обращая внимания ни на тишину, ни на хмурые лица.

Титикаку тискали, прижимали к себе, ловили на подлете к полу. Ему отдали королевские штаны на растерзание и кусочек плаща на «пожевание». Я выдохнула, успокоив себя окончательно.

– Теперь можно начинать? Благодарю. Наш любимый и драгоценный принц вернулся, – слышался тихий голос. Ледяной взгляд остановился на мне. – Во время церемонии имянаречения произошел пренеприятный инцидент. И принц попал в другой мир. Но теперь он вернулся. Вы можете в этом убедиться лично.

– Да здравствует король! Да здравствует принц! – кричали люди. А стража намекала, что посмотрели и хватит.

Когда зал опустел, я увидела, как Титикаку снимают с себя, рассматривая слюнявую прядь волос. Слуги уже спешили с салфетками.

Значит, все-таки я не ошиблась! Это была игра на публи-

ку!

Его величество встал и вышел.

Меня подтолкнули в спину.

– Быстрее! Пока его величество не вернулось! Вы видели, как он на вас смотрел? – засуетился бородатый «коврик», пока его товарищ водил руками над нарисованным на полу кругом.

– Как? – удивилась я.

– Скажем так, нехорошо! Так что послушайте совета! Просто уходите! – меня тащили к portalу. – Мы скажем, что ничего не видели. А куда делась – не знаем!

– А как же Титикака? – удивилась я. – С ним все будет хорошо?

– Все будет хорошо! Не переживайте! – бормотал бородатый, быстро ведя меня к кругу. – Как видите, у нас все хорошо. Принц вернулся. Вы в этом лично убедились!

Меня подталкивали в сторону вспыхнувшего синеватым светом круга. Но сердце было не на месте.

– Уррр! – послышалось жалобное за спиной. Я обернулась, видя, как ко мне бежит Титикака. Он схватил меня за полу халата.

– Малыш, – остановилась я, наклоняясь и глядя пушистую голову. – Я не могу здесь остаться... Мне домой пора...

– Аррр! – прихватили зубами мою руку.

– Ну что ты, в самом деле! – сглотнула я, отчаянно пытаясь успокоить свое сердце. – Все будет хорошо! Ну, все,

прекрати!

Хотя в душе я понимала, что не просто так Титикака просит меня не бросать его здесь. Душа рвалась на две части. Одна убеждала меня, что соседи будут у нас быстро меняться. Вторая уговаривала оставить его здесь и верить, что у него все хорошо. Пока они сражались, на меня смотрели жалобные глаза малыша.

Эх... Возможно, однажды я пожалею о своем решении, но...

– Я забираю его с собой! – твердо решила я, беря малыша на руки. – Нечего ему тут делать!

– Что?! – переглянулись маги. – Вы не можете! Это же принц! Ой!

И «коврики» тут же склонились. Передо мной выросла тень. Кто-то стоял за моей спиной.

– Принц остается здесь, – слышался голос его величества. – А ты – проваливай, куда хочешь!

– Я принца не брошу! – прижала я голову Титикаки к груди, не желая его отдавать.

– Заберите у нее принца, – махнуло рукой Его Величество. Стража схватила меня, вырывая принца из рук и возвращая в руки дяде. Малыш рвался ко мне, а меня уже скрутили, вытаскивая из зала. Я бросила взгляд на «коврики».

– В ледяную тюрьму ее, – произнесло его величество. – За попытку похищения принца! Выполнять. Второго похищения не переживу.

По названию я поняла, что отопления в моих новых апартаментах нет и не будет.

— Ваше величество! — дернулся бородатый, догоняя удаляющегося короля. — Послушайте! Может, не надо в ледяную тюрьму. Вы посмотрите, как она ладит с ребенком... Если она хочет остаться с малышом, то почему бы не сделать ее... няней! И у вас забот меньше. И...

Бородатый замялся, пока я смотрела на профиль его величества.

— Хорошо,— взмахнул плащом его величество. — Только если с наследником что-то случится, я на ленточки ее порву.

Ага, и заплету в косички! Вот так новости!

Глава вторая. Ути-пути!

– Пойдем, пойдем! – спешно засуетились маги, вытаскивая меня вместе с наследником из зала.

– Вы на что меня подписали? – ужасалась я, поочередно пытаюсь найти взглядом бесстыжие глаза. – Какая няня?!

– Пока еще живая, – очень убедительно ответили мне, увлекая меня в недра замка. Подальше от глаз его величества.

– А что такое ледяная тюрьма? – спросила я, пытаюсь получить начальное юридическое образование.

– Это лабиринты изо льда. Туда отправляют узников. Они там благополучно замерзают, – пояснил бородатый, зевая.

Я передумала идти на местного юриста, специалиста по криминальному кодексу.

– У нас здесь все не так плохо! – подбодрили меня, все еще раздумывающую над перспективами замерзнуть насмерть.

Судя по размерам коридора здесь смело можно было кататься на мамонте. Проносясь с диким воплем туда-сюда. Возможно, архитекторы так и задумывали. Но мамонты узнали, что на них собираются кататься по коридорам. И тихо вымерли. А коридоры остались.

Так что теперь коридоры скучны, готичны и украшены одообразным узором. Изредка попадались подсвечники, островками света пытаюсь снизить уровень преступности.

Здесь можно было петь как в туалете. Или на худой конец в опере. Каждый шаг уносило эхо превращая в марш целой армии. Если здесь и есть мыши, то бегают они, как стадо бизонов.

– Этому замку уже много тысяч лет, – заметил коврик с бородой. А я все стеснялась спросить его имя. Обычно я предпочитаю не узнавать имена людей, которых вижу в первый и последний раз. А тут, видимо, придется знакомиться.

– Его строили великаны, – вздохнул коврик без бороды. Только сейчас я заметила, что у них одинаковые глаза. Желтые. Из чего поняла, что они родственники.

– А потом их всех уничтожили, а замок остался, – продолжали мне экскурсию.

Я остановилась возле окна, видя снежные равнины. Титика на руках зевнул. Я заметила, что нет в нем ничего сентиментального. И его любовь к природе проявилась только один раз, когда он уронил мою драцену и сожрал половину. Я помню этот задумчивый взгляд в пустоту, когда драцена возвращалась обратно, чтобы тут же переехать в мусорный пакет.

По застекленным окнам ползла изморозь, но в замке было тепло.

У меня в голове до сих пор не укладывались ни тигролюди, ни великаны.

– А он тоже может обернуться... эм... человеком. Раз его величество назвал его племянником? – спросила я, со-

поставляя факты. Выводы уже просились наружу в грубой, нецензурной форме.

– Изначально он зверь. А потом, со временем он учится принимать облик человека, – заметил бородач, сворачивая за угол. За углом было темно. – Его величество тоже не совсем человек. Это зверь, принявший облик человека.

– Не могу поверить, – вздохнула я, глядя на Титикаку. – Хорошо, что вы люди... С вами хоть поговорить нормально можно! А не с тем припадочным узурпатором...

– Ты потише, – встрепнулся бородастый, прижимая палец к губам. – Зря ты так о его величестве. Его брат был хорошим королем. При нем тут было вольготно! Правда, порядка не было совсем. И казну разбазаривал направо и налево. И титулы жаловал, и золотом осыпал. И народу золото с балкона кидал. Всякое было. Вот народ его и любил! И придворные любили. Говори, что хочешь, делай, что хочешь. Налоги можно не платить!

– Когда мы пришли сюда, в казне ничего не осталось! – перебил его безбородый. – Пусто!

– Зато теперь! – гордо усмехнулся бородастый. – Не любят люди, когда их к порядку призывают. Вот и бунтуют! Когда принц исчез, у нас тут мятеж подавлять пришлось! Люди восстали! Кричат: «Дядя заточил принца в темницу!». Освободить пришли.

– А как он очутился в нашем мире? – спросила я, глядя непоседливую Титикаку.

– Все просто. Была церемония именная. Обязательная для принца. И старый чародей перепутал заклинания, – усмехнулся бородач.

– Ему просто открыли не на той странице книгу, – добавил безбородый. – И прямо посреди церемонии принц исчезает! Что тут было! Долго искали...

– Принца? – спросила я, все еще не веря, что держу на руках маленького принца.

– Старого чародея. Принца нашли. А чародея до сих пор найти не можем. Только его величество загадочно улыбается. Говорит, что спрятал его в надежном месте, – заметил бородач.

– Ой, – перепугалась я, прижав к себе большого котенка.

Огонек слетел с пальцев бородач и повел меня по винтовой лестнице вверх. Я шла впереди, а «коврики» топали сзади.

– Мы почти дома, Тити, – прошептала я в пушистое ухо. «Сироти-и-инушка!», – ревела душа, обнимая малыша.

– Ты не заметил? – спросил позади меня тихий голос. Мне показалось, что разговор не предназначался для моих ушей. – Ты заметил, как он легко согласился?

– Заметил, – донесся до меня тихий ответ. – Как думаешь? Это то, что я думаю?

– Меня это смутило еще в том мире, – заметил озадаченный голос. – Думал, что все! Конец! Но нет... А потом в зале...

– Бедная девочка, – вздохнули мне вслед. – Будем надеяться, что это не то, о чем мы подумали.

– Вы о чем? – обернулась я, решив не церемониться, когда речь идет о моей судьбе.

– Да так, о своем! Удивляемся, почему его величество оказался к тебе столь великодушен, – заметил бородатый. – Обычно за ним такого не замечено!

– Ой! – столкнулась я с огромной дверью. – Ты живой? Тити?

На меня смотрели выразительные голубые глаза. Они скопились на мои волосы и решили, меня слегка постричь.

Я ожидала увидеть камеру с решетками и цементным полом. Но вместо нее я увидела очень странную комнату. Все острые углы были замотаны и обшиты пушистым мехом. Даже стулья укутали в меховые шубы.

– Это что за ... – опешила я, пытаюсь понять, почему комната напоминает распродажу шуб.

– Его величество потребовал, чтобы комната принца была безопасной! – заметил бородатый. – Если что – зови! А пока что обживайся!

В такой огромной комнате на полу лежала жеваная игрушка. Меховой кролик. Титикака тут же слез с рук и бросился к кролику, заставив меня выдохнуть от умиления. На стене висели портреты. Только лиц у них не было. Вместо лиц были росчерки когтей. Но по одежде было понятно, что это мужчина и женщина.

– Ку-ку! – позвала я в огромный камин. Я погладила пушистый стул, пробежалась пальцами по столешнице стола и подняла голову на потолок. Огромная люстра – сосульки висела аккуратно над кроватью.

Внезапно дверь открылась. А в комнату вошел бородатый.

– Слушай внимательно, – прошептал он, осматриваясь по сторонам. Титикака терзал зайца. – Есть несколько вещей, которые тебе нужно знать! Его величество не любит, когда к нему прикасаются. Прямо терпеть не может. За это можно поплатиться головой.

– Отрубит? – удивилась я.

– Откусит, – мрачно ответили мне, зажигая камин. Очень кстати! А то здесь как-то прохладно.

– Вы за кого меня держите? – уперла я руки в боки. – Вы что? Думаете я сплю и вижу, как отловить в коридоре его величество, с целью погладить? С какой кстати я должна его гладить?

– Ну, мало ли, – заметил бородатый. – И второе. Если что, не пугайся, хорошо?

– Чего не пугаться? – испугалась я.

– Просто не пугайся, – заметил бородатый и ушел.

Я заглянула во вторую комнату, обнаруживая удобства. Кстати, я бы приняла ванну! О, а тут даже полотенца есть! И вода горячая! Даже пар идет! Ничего себе!

– Титикака, тебя можно оставить одного на пять минут? – спросила я у увлеченного принца, жующего заячье ухо. –

Мама искупается. Быстренько!

Мне не ответили, самозабвенно вытаскивая из-под кровати жеваного крота. Следом за ним появился кожаный еж.

Я бросилась в ванну, лихорадочно снимая с себя одежду и нижнее белье. Не родился такой мужчина, при виде которого я буду раздеваться с такой скоростью! Все это полетело на пол, а я быстро забралась в горячую воду, намыливая себя мылом без запаха. Любая мама маленького ребенка идущая в душ – это стриптизерша на быстрой перемотке.

Воспоминания вернули меня в тот день, когда я вернулась из магазина. Сходила, называется, за хлебушком. Если где-то есть древняя наука фень-шуй, то я в совершенстве постигла науку хрень суй. Стоит мне попасть в магазин, как я уйду с тремя пакетами. Даже если я пришла за майонезиком.

В тот день я разбирала покупки.

– Шарик с тигром! – удивилась я, вертя шарик в руках. Он был небольшой, но тяжелый. Внутри поднялась целая метель из пенопласта, обдувая маленького белого тигренка.

Я поставила шарик на стол, пока не решив, что с ним делать.

– А это у нас хек! По скидке! Ну да, по запаху чую, что тут «кхек»! – дернулась я и услышала звон.

Это был шарик. Может, я толкнула его локтем. А может, поставила слишком близко к краю. Но только что шарик упал на пол и разбился.

– Прискорбненько, – вздохнула я, направляясь за вени-

ком. – Так, стекло вижу, пенопласт вижу, а где тигренок?

– Арррр! – послышалось за моей спиной. Я повернулась и увидела ... ти-ти-тигра. Настоящего!

Он был пушист до безобразия и смотрел на меня небесно голубыми глазами.

Пакет выпал у меня из рук прямо на ногу. Я смотрела на тигра, который расхаживает по кухне, присматриваясь к ножкам стола и диванчику.

Если где-то проводился конкурс на самые большие глаза, я только что взяла в нем первое место. Вместе с премией «самый быстрый инсульт»!

– Ох ты ж, Евпатий Коловрат! – икнула я, часто моргая.

Ноги прогнулись. – Это как так? – зажмурилась я, в надежде, что мне просто показалось.

Он исчез! Он действительно исчез... Вот только под столом.

– Аррр! – послышалось грозное. А из пакета вылез мерзлый окорочок.

Через пять минут на меня смотрело абсолютно белое, чихающее нечто. Кулек муки был просыпан по полу. На нем виднелись следы лап. Остатки окорочка лежали на остатках дивана. Видимо, они решили умереть вместе. Почти в обнимку. Я тоже чувствовала, как меня обнимает бабушка – инсульт, когда смотрела на остатки покупок, скатерти и царапины на шкафчике.

Я уже экстренно вытиралась, вспоминая, как уже сходила

в душ. Меня не было минут пять, но за это время квартира превратилась в руины.

Так быстро, как одевалась я, не одевались даже пожарные на вызов. Вырвавшись в комнату, я увидела грудю одеял, из которых торчал белых мех.

– Спатышки лег? – умилилась я, глядя на мех с полосочками. – Ути-пути! Тык-тык-тык! Чья попка тут спряталась? Ути-пути! Мой пушистик!

Я почесала мех, а потом с умилением поковыряла его пальчиком, как вдруг с другого конца кровати ко мне побежал.... Титикака!

Одеяла зашевелились вместе с волосами на моей голове, когда из –под них появилась огромная белая морда.

Глава третья. Не поворачивайся к нему спиной...

На мгновение я застыла, не веря своим глазам.

Я просто оцепенела от ужаса, видя, как сползают одеяла с огромного белого зверя. Он встает во весь рост. Мне показалось, что кровать сейчас захрустит под его тяжестью.

– Так что ты там сказала? – послышался знакомый голос.

«Падай и притворяйсядохлой!» – шептал инстинкт самосохранения, который недавно вместе со мной читал все о тиграх! «Делай же хоть что-нибудь! Он тебя сейчас прикончит!», – взывал инстинкт самосохранения.

«Да, но он не просто хищник!», – спорила я, замирая от страха. «Сначала он хищник, а потом уже человек! Падай!», – послышался голос разума.

Я покачнулась, чтобы все выглядело реалистично. Схватила за сердце и стала опускаться.

– А куда это мы собрались? – послышался знакомый голос.

– В обморок, – честно ответила я, понимая, что зря переключала канал о дикой природе.

– Когда вернешься? – произнес голос подозрительно похожий на голос его величества.

– Не знаю, – ответила я. – Ой, что-то мне как-то нехорошо

мне! Сердце!

Я опустилась на ковер, в надежде, что учебники не врут.

– Так-так-так, – слышался вкрадчивый тихий голос. Мне показалось, что он обходит меня со всех сторон. – Решила притвориться мертвой? Неплохо.

Мне показалось, что по моему лицу скользнул хвост.

– Только ты не учла, что я не просто животное, – слышался усмешка. – И все прекрасно понимаю. Вставай, няня...

Я лежала, стараясь не шевелиться.

– Хватит мне тут устраивать представление! – рыкнули на меня в лицо. – И так на тебя достаточно зол!

– Вставай! – рывкнули так внезапно, что я не помню, как очутилась на ногах в центре комнаты.

– Вот, так будет намного лучше, – слышался голос. Хвост его делал движения справа налево. – Если бы я хотел тебя убить, то сделал бы это внезапно. Ты бы даже опомниться не успела. Ты даже не узнала бы, что я крадусь за тобой....

Бррр! У меня мурашки побежали по коже от тихого и зловещего голоса хищника.

– Но, как видишь, я пришел поговорить. С миром, – слышался голос его величества.

«Тигры нападают сзади!», – пронеслось в голове. – «Не поворачивайся к ним спиной!». Я вспомнила, как в первую ночь Титикаки в доме направилась в сторону туалета. Ой, зря я это сделала!

– Я так и поняла, – заметила я, чувствуя, как мне как-то не по себе. Он пытался зайти мне за спину, но я вертелась, вспоминая, что к тиграм спиной лучше не поворачиваться!

«Тук-тук!», – постучалась вежливость, намекая на реверансы и прочие почести. «Тук-тук!», – постучалась я вежливости по голове, отгоняя ее подальше.

– И что же это ты так вертишься? – послышался замогильный голос, не предвещающий ничего хорошего для моего здоровья.

– Просто стоять спиной к его величеству не вежливо! – икнула я, не сводя глаз с морды, что придвинулась ко мне почти вплотную. Я видела его голубые глаза и огромные клыки. – Конечно! А что вы здесь делаете?

– Это мой дворец. Что хочу, то и делаю! – рывкнули на меня. – Где хочу, там и нахожусь! Я решил посмотреть, чем ты занимаешься...

Я чувствовала, как медленно отступаю. На мягких лапах в мою сторону двигалась смерть. У смерти был пушистый хвост. Он был похож на тигра только полосками. Его хвост напоминал хвост снежного барса.

– Я понимаю, что вам сразу не понравилась! – заметила я, упираясь в стену. Мои глаза искали хоть что-нибудь, чем я спасу себе жизнь. Пока что под категорию спасителя подходил увесистый подсвечник.

– А теперь рассказывай, – лапа с когтями ударилась в стену. Аккурат туда, куда я собиралась двинуться. Лапа прегра-

дила мне путь, заставив остаться на месте. – Кто ты.

– Я? – удивилась я тому факту, что со мной решили познакомиться. Это было самое странное из всех знакомств, которые только были в моей жизни! – Я?

И тут я вспомнила умоляющие глаза магов: «Скажи, что ты королева!».

– Я королева, – гордо ответила я. Когти на пушистой лапе втянулись. Я даже плечи расправила, изображая королевскую осанку.

– Королева, значит, – заметил огромный кот, сощулив глаза. – Куда пошла! Я не разрешал тебе двигаться с места!

Мне показалось, или чудовище улыбнулось. Я снова дернулась, видя, как вторая лапа перегородила мне путь. На стене остались следы от когтей.

– У меня процветающее государство, – заметила я, вспомнив плесень в холодильнике. – Да, оно небольшое, но очень процветающее.

«Особенно на подоконнике! У нас там и фиалочка, и вереск, и роза!», – вспоминала я садик за шторкой.

– Продолжай, – негромко заметил огромный зверь. Он поднял лапу, выставил когти и тут же спрятал. – Мне очень интересно.

«Я хочу быть твоим мучительным поносом!», – фыркнуло что-то внутри меня, когда я представляла зубастый «ам!».

– У меня очень много подданных, – продолжала врать я, поглядывая на беззаботного Титикаку, терзающего одеяло.

– Да ну? – удивилось его величество. Когти снова появились. – Никого не заметил.

– А что? Разве слуги должны быть заметными? Я наоборот стараюсь, чтобы их поменьше видели! Дрессирую! – ответила я, следя за его лапами.

– Дальше, – протянуло его величество, а хвост его ходил туда-сюда. – Я тебя внимательно слушаю... Мне интересно, почему ты готовишь сама?

– А что? У королевы не может быть хобби? – удивилась я, вспоминая пар из кастрюли и обожжённые пальцы. – Тем более, что королеву всегда могут отравить! Я никогда не доверяю слугам готовку! И принцу я готовила лично!

«Помним, я – королева!», – убеждала я себя. «Царица!», – поддакнула совесть. «А почему бы и нет?», – примерила я на себя роль царицы. «Царица горы немытой посуды!», – заметила совесть и тут же спряталась.

– Достаточно, – послышался властный голос. – Итак, а теперь у нас есть возможность поговорить с глазу на глаз. Опустим вежливость. Надеюсь, ты меня понимаешь, не так ли? Твоя задача – беречь наследника. Он для меня очень ценен. Иначе начнутся восстания, кровопролитие, война... А мне этого не нужно. Надеюсь, ты это понимаешь...

– Да, понимаю, – ответила я, закивав для убедительности.

– Это хорошо, – заметила огромная кошка. – Просто я все еще раздумываю, оставить тебя в живых или нет? Что-то мне в тебе сразу не понравилось! Ты дрогнула, когда я

тебя проверял! Я боюсь, что ты не справишься... Поэтому мне нет смысла оставлять тебя в живых... Есть, что сказать на прощание?

«Сделай что-нибудь такое, что его обескуражит! И как можно быстрее!», – вспомнила я, как недавно читала про тигров. Титикаку я напугала пылесосом. Только так мне удалось спасти штору.

Что делать? Закричать? Мне показалось, что все кричат при виде огромного тигра! Ударить его? Всегда находятся храбрецы, дающие отпор! Бежать? Все бегут при виде тигра... А что если...

«Представь, что это – большая киса!», – стиснула я зубы, даже не представляя, как буду это делать. «Просто большая киса, которая хорошо кушала!», – подбадривала себя я. «

Это – безумие!», – орало что-то внутри.

Огромная пасть открылась, а я успела выставить дрожащую руку и... почесать его за ухом. Пасть захлопнулась.

– Ты что творишь! – прорычали мне в лицо, когда я чесала его голову.

Я чесала, понимая, что такого он не ожидал. Мне показалось, что он ожидал все! Крики, мольбы, бегство, нападение, но не почесание за ухом!

– Ты понимаешь, что я тебе руку отгрызу, когда ты закончишь? – послышался странный голос. Его голова сама тянулась к моей руке, а хвост замер.

Еще бы! Понимаю!

– Ненавижу, – прорычал огромный кот, сощутив глаза. – Ненавижу, но левее! Еще левее! Попала!

В голове промелькнула мысль о том, что «коврики» не просто так мне намекали. Могли бы и прямым текстом сказать: «Если что не так – чеши! Либо его величество, либо отсюда подальше!».

Моя рука впивалась в густой мех, а хищник замер, глядя на меня глазами, наполненными ненавистью.

«Будешь почетной чесальщицей его величества», – причмокнула совесть, представляя целый гарем рукастых чесальщиц, в котором для меня фантазия уже освободила уютное местечко. «Мои ру-у-у-уки!», – рыдали девицы, глядя на свои стертые об его величество конечности.

– Урррр! – возмутился Титикака, требуя, чтобы его тоже чесали! Но дотянуться до него я не могла. Пришлось разуться и выставить вперед ногу. А то несправедливо! Узурпируют маму! Проклятый дядя – узурпатор! И тут успел!

В позе подбитой ласточки я стояла, прислонившись к стене.

– Я просто уничтожу тебя, – слышался тихий голос с затаенной злостью. В этот момент рука начинала чесать за ухом с удвоенной силой. Как не чесала никогда! Все соседские коты умерли бы от зависти!

– Ррррр, – послышался стон, сквозь который сочились такие проклятия и пытки, от которых моя попа сморщилась

косточкой от персика. – Р-р-разор-р-рву...

Я с надеждой смотрела на дверь, в надежде, что кто-то войдет. «Срочное дело! Ваше величество! Бросайте все!», – чудилось мне спасительное. Но за дверью было тихо.

– Ну хоть бы нам войну кто-то объявил, – мысленно стояла я, понимая, что еще чуть-чуть и потеряю равновесие.

– Ай! – округлила я глаза, видя довольного Титикаку. Он решил, что нет ничего вкуснее моего пальца. А если он еще и в майонезе...

Я сползла по стенке, не убирая руки от его величества. Зато моими пальцами лакомились, делая нежный кусь и заглядываясь на меня честными голубыми глазами.

– Ты мне сразу не понравилась, – слышался страшный голос. – Сразу, как я тебя увидел...

– А я и не старалась, – вздохнула я, видя старания Титикаки. Заботливый малыш считал, что мужчины должны носить меня на руках. Поэтому отгрызть мне половину ноги – это самая замечательная идея, которая вдруг посетила светлую голову.

Стоило мне повернуть голову, как я увидела перед собой страшную морду.

– Это они тебе сказали? Да? – послышался вкрадчиво – зловеющий голос. Мне пристально посмотрели в глаза.

– Нет, сама догадалась, – осторожно заметила я, пытаюсь выгородить «ковриков», чтобы им не досталось по коврижкам.

– Не верю. Пр-р-равее, – прорычали мне в лицо, пока моя рука срочно просила сменщицу. Но «сменщица» была занята Титикакой. Тот подставил голову, настойчиво ловя руку и компостируя ее острыми зубами.

У каждого мужчины есть свои эрогенные зоны. А тут одна, сплошная...

Дверь так и не думала открываться с криками: «Пожар! Горим! Спасайся, кто может!» или «На нас напали, милорд!».

«Держаться нету больше сил!», – ныли руки и нога, которая тоже участвовала в процессе. Мне казалось, что у меня из глаз текут слезы. А если выживу, то останусь чесательным инвалидом.

Огромные когти мяли ковер, а Титикака решил, что меня пора спасать. И схватил зубами пояс от халата. Он тянул за него зубами, как бы намекая, беги, мама, беги! Я локтем прижимала халат, обещая себе впредь спасать себя сама.

– Не там! – рывкнули на меня, пока рука металась в поисках волшебного «там».

– Зря вы злитесь, – прошептала я огромной морде, нависающей надо мной. – Нет тут ничего такого... эм... Я тоже люблю, когда мне чешут спинку... И не стесняюсь этого!

В ответ послышался угрожающий рык.

– Понимаю, вы – мужчина... Но что в этом такого? – прошептала я, видя как жизнь уже помахала мне концом. – Так что давайте оставим это в тайне. Поверьте, я – могила. Или

вы думаете, я буду бегать по дворцу с криками: «Угадайте где и кого я чесала?!». Вы за кого меня держите? Я не собираюсь после этого ходить с табличкой: «Чесала его величество! Где – не скажу!».

– Вр-р-ряд ли ты после этого сможешь ходить, – послышался зловеший голос.

– Ну не надо так, – вздохнула я, чувствуя, что как затекает рука в неудобном положении. – Что ж вы сразу меня на руках носить собираетесь?

Я улыбнулась, в надежде, что эта кокетливая шутка разрядит обстановку.

– Я хотел проверить... – послышался голос и скрип двери. На пороге стоял бородатый «коврик». Он смотрел на нас, понимая, что зашел не очень вовремя. Мне показалось, что смущения было бы намного меньше, если бы он поймал нас за непристойным занятием под одеялом.

Я посмотрела на «коврик» с такой мольбой.

– Ваше Величество! Срочно! – закричал он, пока я нервно сглатывала, благодаря судьбу за такой подарок. – Там... Там! Пожар!

– Пожар? – удивился второй коврик, заглядывая в комнату. – Да! Пожа-а-а-р! Во дворце! Кто-то поджег дворец! Он тут же исчез.

– Что?! – рывкнуло его величество. Он повернул голову, а моя рука соскользнула и обессиленно упала на пол.

– Пожар! Попытка поджога дворца! – сделал круглые гла-

за «коврик». – Видимо, заговорщики!

Я уже собиралась уползти, как вдруг увидела передо мной огромную раскрытую пасть, мечтавшую откусить мне голову. И все-таки они были правы. Не человек он.

– Сиди здесь! – рывкнули на меня, когда я уже успела зажмуриться и приготовиться к неизбежному. – Следи за принцем!

Я сидела и трясущейся рукой гладила Титикаку, как вдруг дверь открылась. В нее ввалились коврики.

– Второй раз я не стану так рисковать! Ну пустил дым по коридорам! Переполошил слуг! – прорычал безбородый, хватаясь за сердце. – Тебе что говорили! Не прикасаться к нему!

– Он у вас какой-то странный, – выдохнула я, развлекая пузико Титикаки.

– Мы тебя предупреждали, что он – не человек. А ты меряешь его человеческими мерками! – почему-то обиделся бородатый. – Повезло... Сам не знаю, как! Ну все, поздравляю! Теперь я бы на твоём месте почаще оборачивалась в коридоре!

– Я вообще не собираюсь отсюда выходить! – вздохнула я, наглаживая Титикаку.

– А как же церемония имянаречения? – переглянулись «коврики».

Глава четвертая. Кот на крыше

Я мысленно направились во внутренний банк, чтобы забрать все скопленные за жизнь залежи оптимизма.

– Это очень важная церемония! – предупредили меня. – На ней наследнику дается имя и предсказывается судьба! Ладно, мы пойдем!

Совесть требовала задать очень важный вопрос.

– Как вас зовут? – спросила я, глядя на меховые накидки.

– Обычно громким визгом, – заметил бородатый, усмехаясь.

– Или криком «убивают!», – усмехнулся ему в ответ безбородый.

– Но чаще всего нас зовут «Помогите!», – рассмеялись «коврики». – Или «Мамочки!». Мы пойдем, а то его величество не в духах. Рвет и мечет.

Через полчаса нам принесли ужин. Красивые тарелки были расставлены по столу служанкой, которая смотрела на меня, как на покойника. Она скрылась так же быстро, как и появилась, обещая зайти позже.

Я быстренько положила полную тарелку растущему организму и скромно нагребла себе то, что по внешнему виду могло сойти за овощи. Скромная подливка украсила мой унылый диетический натюрморт.

– Нет, ну вроде бы вку... – начала я, видя, как Титика-

ка упорно лезет к моей тарелке. Он скосил глаза, плотоядно глядя на мою подливку с овощами. С тарелки прямо на роскошное покрывало сползло что-то по форме смахивающее на морковку.

– Аррр! – запугивал овощи мой будущий охотник на морковку. Видимо, морковка в этом мире очень шустра и проворна. И охотиться на ней нужно целой стаей.

– Уррр! – топорщил усы будущий победитель корнеплодов. И злобно смотрел на жеваную морковку в надежде, что она упадет в обморок при виде его клыков. Забьется в конвульсиях и пропищит жалобным голоском: «Пощади меня, о великий и ужасный!».

Морковка была уже раздавлена. Сначала морально, когда на нее смотрели пристальным взглядом в упор. А потом и пушистой попой.

Под конец ее кровожадно съели, глядя на меня так, словно бабушкин Мурзик завалил в саванне целую антилопу.

– Аррррр! – грозный рык сообщил всем, что враг повержен, проглочен и сейчас переваривается.

– Ешь, – пододвинула я миску с мясом молодому охотнику, но тот уставился кровожадным взглядом на мою несчастную тарелочку.

– А маме покушать можно? – с тоской спросила я, снова отдавая свою тарелку.

Видимо, мама неплохо отъелась на пельменях в последнее время, раз ей рекомендована диета.

– Арррр! – запугивали местную картошку угрожающим рычанием. Титикака припал на передние лапы, давая картошке шанс убежать. Но видимо страх перед юным наследником был настолько силен, что картошка даже не подумала дать деру. Она застыла, словно оцепенев от ужаса. И тут же была проглочена.

– Фто? – поперхнулась я, чувствуя ногой лужу на дорогом ковре.

Стоило мне отстранить тарелку от груди, с нее начали радостно стягивать что-то по вкусу напоминающее соленую картошку.

– Ну да, – прожевала я, закатывая глаза. – У мамы всегда вкуснее? Да?

Я посмотрела на свои жалкие потуги на еду, отдавая всю миску. Пока на покрывале развернулась целая охота, я вздыхала и надеялась, что мне сегодня удастся поесть.

Ладно, работаем по старой схеме.

Осторожно, чтобы юный охотник, не потерял охотничий азарт, я взяла еще одну тарелку, стащила со стола все, что могло сойти за овощи, и стала медленно продвигаться в сторону тяжелой занавески.

Отодвинув ее я, спряталась вместе с тарелкой, в щелочку наблюдая за тем, как юный наследник скатывается с кровати вместе с одеялом. Он был грозен и ужасен. Он был готов разорвать любой пельмень! Или даже хлеб с маслом, вытащив изо рта мамы.

Пока я торопливо ела, стараясь не привлекать к себе внимания, огромная тарелка с мясом скучала на столе, не вызывая у малыша никакого интереса.

– Ур? – послышался встревоженный голос.

В переводе с его языка это означало что-то вроде: «Караул! Мама потерялась! Она или ушла какать! Или спряталась под одеялом! Что тоже очень – очень плохо!».

Я чувствовала, что есть местную пищу было слишком опрометчиво. Поэтому Титикаке вместо меня тут же ответил мой живот.

– Мама! – обрадовались мне, выслеживая меня за шторой. Мама слегка обалдела от скорости с которой ей вернулась тяга к экзотической кухне, и резвой антилопой направилась в туалет.

Если мама уходит в туалет, она уходит умирать. И никак иначе!

Стоило мне уйти в туалет, как ребенок тут же начинал чувствовать себя сиротой, брошенным на произвол судьбы. Пока я, оседлав местный трон, пытаюсь вычислить подлого диверсанта, устроившего такой переполох внутри меня, ко мне в дверь ломилась Армия Спасения Мама.

Дома дверь спокойно выдерживала натиск упитанной шерстяной тушки. А все потому, что Мамина Умиральня была очень маленькой. И мама втайне подпирала ее ногой. Но здесь в санузле вполне можно было бы разместить целый гарнизон, проводить балы и сражения. И мамина нога не до-

тягивалась до двери, вызывая у мамы комплекс неполноценности.

– Аррр! – ворвалась Армия Спасения Мамы, прокатившись на скользких шлифованных плитах.

Через минуту я сидела, пристально глядя в глаза одному бессовестному Бэтмену. Тот сидел напротив меня, внимательно следя за процессом.

– Мама умеет ходить в туалет. У нее ого-го какой опыт в этом опасном деле! С мамой ничего не случится! – убеждала я, а глаза смотрели на меня с укором: «Мама-мама, как же так! Ушла, одна, без меня!».

– Давай мама сейчас вернется? – предложила я, взмахнув рукой.

Ой, зря я это сделала!

Юный герой тут же понял страшную вещь. У мамы ... свободные руки! А это значит, что мама может чесать его!

Это было моей роковой ошибкой. Я закатила глаза и стала чесать за ушком. Мне подставляли разные эрогенные зоны, требуя с особой тщательностью почесать там, где не дотягивается еще неуклюжая лапа.

– Маме нужно вставать! – заметила я, чувствуя, как к ногам привалился маленький тушканчик. Когтистая лапа пыталась оставить маму без трусов, тем самым обеспечить ей счастье в личной жизни. Но мама была категорически против.

– Ну все! – строго сказала я, намекая, что аттракцион

окончен.

Титикака разобиделся. Еще бы! Мама не сточила руки по поясу об него! Вот такая вот плохая мама! Просто ужасная!

Я выдохнула, приводя себя в порядок и зарекаясь вычислить этого пищевого дивергента, вызывавшего пищеварительную бурю.

Когда я вошла в комнату, в ней царила тишина. Жеваный крот и кожаный еж лежали на своих местах. Тарелка с нетронутым мясом стояла на столе. Скинутое одеяло валялось на полу.

– Тити? – позвала я малыша. – Ты что? Обиделся? Ах, я и забыла, ваше высочество! Мама мало чесала... Ну иди сюда, сейчас дочесывать буду...

И тишина.

– Тити? – встревожилась я, но тут же вспомнила про привычку охотиться на маму. На всякий случай я обернулась. Горький опыт подсказывал, что стоит ожидать нападения сзади.

В первый раз я шла с горячим чаем, как вдруг маму приняли за сочную антилопу и попытались прикончить молниеносным прыжком из-за шторы. Страшные челюсти должны были сомкнуться на маминой шее. Но в силу роста, обязанности перекушенной шеи исполнила мамина попа.

Дикий и животный визг мамы стал приятным украшением вечера для всех соседей. Потом юный охотник долго извинялся. И даже решил слизать с мамы сладкий чай в знак

примирения.

– Тити? – с подозрением обернулась я, не слыша крадущегося тигра.

То, что тигры любят нападать сзади, я узнала благодаря великому и могучему интернету. И в качестве защиты от внезапного нападения старалась носить подушку, привязанную к попе. Думаю, что стоит вернуть прежнюю традицию. Вот только где ребенок?

– Ты где? – заперезживала я, не чувствуя, как сомкнулись игривые челюсти на мамином филее. – Так, это уже не смешно!

Я заглянула под кровать, за штору, сбегала в ванную, но ребенка нигде не было. Сейчас проверим! Есть у меня средство от внезапных засад.

– Тити, – позвала я, водя поясом от халата по ковру. Обычно этот номер вызывал внезапно рассекречивание секретного агента. Он вылетал и бросался на врага. Но сейчас стояла тишина.

Я бросилась к двери. Но дверь была закрыта. Снаружи!

Что ж так холодно? Только сейчас я почувствовала, как в комнату проникает холод.

– Окно! – дернулась я, бросаясь к окну. Ветер прижал створку к раме, но окно было открытым.

– Если какой-нибудь местный ястреб унесет моего Титикаку, – выругалась я, открывая окно и высовываясь наружу. – То я из этого ястреба себе подушечку набью!

За окном было холодно. В воздухе витали снежинки. Внизу был снежный туман, скрывавший крыши замка. Где-то вдалеке виднелись снежные горы.

Стоило мне посмотреть вниз, как у меня тут же закружилась голова. Мне стало дурно от высоты, на которой стоит наша башня.

– Тити! – позвала я, прислушиваясь.

– Аррр! – послышалось жалобное сверху. Сначала я не разглядела его, а потом увидела полосы на обледенелой крыше.

– Тити! – схватилась я за сердце. – Мамочки! Ты как туда... Ах, это ж кот! А ну быстро слезай! Давай, иди сюда!

– Аррр! – донеслось до меня напуганное. Он сидел на крыше.

– Ты что? Слезть не можешь? – ужаснулась я, чувствуя, как ветер полощет мои волосы.

– Ррр... – донеслось жалобное.

– Так, малыш, – успокаивала я. – Если ты не можешь слезть, сейчас тебя снимут! Все хорошо! Сиди там!

Я метнулась к двери, барабана в нее изо всех сил: «Помогите! Спасите!». За дверью послышался шорох. Она внезапно распахнулась, а я завизжала от ужаса. Передо мной стояли два волка.

– Мама, – округлила глаза я, видя оскаленные пасти. Внезапно волки переглянулись. И тут же на их месте появились знакомые коврики.

– Эт-т-то ч-ч-что такое б-б-было? – выдыхала я, видя, как они снова переглядываются.

– Что случилось? – вцепились они в меня. Один мельком осмотрел комнату, а потом принялся.

– Тити, – прошептала я, ведя их к распахнутому окну. Моя дрожащая рука указала на крышу.

– Его величества нет в замке, – слышался голос, пока я с тревогой смотрела на Тити, вцепившегося в крышу. Он был похож на котенка, застрявшего на дереве и истошно орущего на помощь.

– Он отбыл по важному делу, – схватился за голову бородатый. – Мы не сможем его достать! Мы – волки!

– А магией? – взмолилась я, глядя на малыша.

– Не выйдет, – слышался голос бородатого. – Смотри!

Он выставил руку, пока я причитала: «осторожней! Осторожней!». Заклинание просто срикошетило от Титикаки.

– Ему защиту поставили... На той церемонии... Вообще-то церемония должна была быть одна. Сначала ставится защита, потом выбирается имя, потом... – начала мне, но я нервно оборвала экскурс в местные традиции.

– Так что никак! Сейчас попробуем кого-то позвать!

Глава пятая. Внимание, смертельный номер!

– Ар! – послышалось жалобное с крыши. Мой маленький! Потерпи!

– Тише, маленький, тише, – шептала я, в надежде, что сейчас прилетит какой-нибудь местный супергерой и снимет его с обледенелой крыши башни.

– Что случилось? – гремели шаги. Я стояла возле окна, показывая наверх, где холодная метель заметала малыша.

– Нам приказано не прикасаться к принцу, – тут же опустили глаза слуги. – Под угрозой смерти.

Они стояли, опустив головы.

– Только с разрешения его величества, – добавила служанка, которая приносила еду. – Или по его приказу!

– Да что вы, в самом деле! – закричала я, глядя на их опущенные головы. – Там принц! На крыше!

Никто не шелохнулся. Так, без паники!

– Есть ли в этом замке хоть кто-то, кому МОЖНО трогать принца?! – закричала я, снова проверяя, как там ребенок. – Хоть кто-нибудь!

– Да, есть! – оживились слуги, давая мне надежду. – Это его лекарь!

– Лекаря! – крикнула я. – Сюда!

Ну наконец-то! Хоть кто-то! А то я уже думала все.

– Мы бы рады, но мы волки, – слышался голос борода-того. – Мы не сможем залезть! Тем более, там лед! Крыша совсем обледенела!

– Лекарь!!! – крикнули мне, а слуги стали расступаться. – Пропустите лекаря!

В живом коридоре показался дряхлый старичок, увешанный скляночками. Он кутался в дорогие меха и смотрел на меня подслеповатыми глазами. Но это было еще не все! Его почти тащили на себе двое молодых парней.

– А они?! – с надеждой оценила я ребят.

– Они – не лекари! Они только ученики! – возразили мне, пока я с тревогой выглядывала из окна вверх. – На них тоже распространяется приказ!

Ладно! Я сжала кулаки.

– Мне нужно что-то, во что можно переодеться! Не полезу же я в халате? – выдохнула я, видя, как все переглядываются. – И переобуться! И мне нужен кто-то, кто меня подстрахует!

Сердце заходило от ужаса, стоило мне посмотреть вниз. Я... я ужасно... до судорог... боюсь высоты...

– Куда лекаря?! – возмутилась я, глядя на то как крепкие ребята утаскивали старого лекаря к двери. – Он пригодится!

«Чтобы констатировать мою смерть!», – поплыли крыши и шпили замка перед глазами.

– Вы точно уверены? – слышался голос, когда мне при-

несли одежду.

– В чем?! – рывкнула я, сдирая халат, отвернувшись к стенке. – В том, что наследника нужно спасти? Да!

– Нет, в том, что вы готовы надеть мужское платье, – слышался тихий голос. Все стояли и переживали изо всех сил. Одна служанка плакала, уткнувшись в плечо старой служанке.

– А что? Что с платьем не так?! – тряхнула я рубахой. Штаны уже были на мне.

– Просто по законам нашего королевства женщина не имеет права надевать мужскую одежду, – тихо-тихо произнесла служанка. – За это полагается наказание! Несколько ударов плетью!

– Отлично! – выдохнула я, надевая сапог на правую ногу. – Садо без мазы – вопли на ветер! Расступись!

Моя храбрость закончилась возле обледенелого подоконника. Где-то внизу в молочной снежной дымке виднелись острые шпили и очертания крыш и башен.

– Так, – выдохнула я, делая шаг на подоконник. Мир покачнулся перед глазами, а я чуть не потеряла равновесие, пытаясь собрать волосы в пучок.

– Малыш, я уже иду! – выдохнула я орущему Титикаке. – Сейчас я вспомню, почему прогуливала физкультуру в школе, и сниму тебя! Держись!

– Не смотри! – закрыла глаза толстая служанка маленькому мальчику в смешном беретике с перышком. – Рано тебе

еще на такое смотреть!

Я сделала несколько шагов по подоконнику, ища, за что бы зацепиться. Ветер быстро растрепал мою гульку. Я чувствовала себя детективом. Руки пытались нащупать хоть какую-нибудь зацепку.

– Может, мне кто-нибудь поможет? – с обидой спросила я, пытаюсь не смотреть вниз. Пальцы впились в выщербленный кирпич.

– Не велено, – слышались голоса слуг. – Перед отъездом его величество приказал не прикасаться к вам!

– ЧТО? НЕ СЛЫШУ? ВЕТЕР В ЛИЦО! – крикнула я, ловя обрывки слов.

– А я тебе что говорил? А ты мне не верил! А я говорил тебе, что он не просто так к ней! – слышался голос совсем близко. Я сглотнула я, пытаюсь не соскользнуть. Сосульки на крыше угрожающе покачнулись и зазвенели как бокалы в новогоднюю ночь.

– Так, расступись! – слышались голоса. «Хоть бы спасла!», – всхлипывал кто-то. – «Это же наш принц!». Кто-то ревел навзрыд.

Я почувствовала, как мой рука сорвалась, а я чуть не ухнула вниз. Но меня схватили. Бородатый стоял надо мной, перевесившись, через подоконник. Он с усилием втащил меня обратно.

– Ладно! Пусть хоть убивает! – слышался голос бородатого. Он выставил руку, а с крыши упала светящаяся ве-

ревка, а меня держали за ноги, когда я пыталась поймать веревку рукой.

Мне удалось ухватиться за нее и обвязаться.

– Учти! Заклинание действует пять минут! – наставляли меня. – Через пять минут оно начнет таять! И ты должна успеть!

– Так, так, так, – сопела я, пытаюсь найти место, куда можно поставить дрожащую ногу. – Сюда! Не спешим! Я уже иду, потерпи, малыш! И как же ты сюда забрался?

Сосулька над головой оборвалась, устремляясь вниз. Я сжалась, слыша, как она разбивается о крышу где-то внизу.

– Сейчас собью! Где сбиватель сосулук? Почему не выполняет свою работу? – слышалось рычание внизу. – Так! Чтобы не задеть няню!

Сосульки стали падать вниз, грохоча, как удары молотком.

– Спасибо!!! – крикнула я, подтягиваясь на слабеньких ручках. Я напоминала себе неповоротливую сосиску на турнике под тихое хихиканье одноклассников. «Ладно, сползай! Два!», – слышался голос физрука, когда я устало разжимала пальцы.

– Не торопись! – уговаривала я себя. – Спешка нужна только при ловле блох и написании научной работы! Давай, Арина Батьковна!

Высота была ого-го! Огромная башня, казалось, цепляла облака, нанизывая их своим острым шпилем с обледенелым

флагом.

– Так! – удивилась я, хватаясь рукой за обледенелую черепицу. – Иди к маме!

Я выдохнула пар, глядя на покрытого снегом малыша.

– Иди сюда! – протянула я руку, – Тити! Иди сюда! Сейчас тебя сниму!

Титикака сидел с таким видом, словно и снимать его не надо. Что он здесь на уютной обледенелой крыше восполняет дефицит прогулок и свежего воздуха. И параллельно созерцает бескрайние просторы своих будущих владений!

– Титик! – грозно прикрикнула я под завывания ветра. Я почти схватила его рукой, но он поднялся еще выше.

– Мама не играет! Мама мысленно пишет завещание! – настаивала я, чувствуя, что одна нога стоит на цыпочках. – Иди сюда! Немедленно! Вот балованный ребенок!

Кто сказал: «играет?». А! Мама сказала «играет»! Вот, здорово!

– Тити! Прекрати! – прикрикнула я, видя, что со мной решили поиграть. Нет, он кот, ему-то хорошо! Только вот я ни капельки не кот!

Я хотела еще немного подтянуться, чтобы влезть на крышу. И мне удалось, закинуть ногу. Руки вцепились в черепицу, пока я затаскивала пельмени, гамбургеры и немного обожаемых мною пряников на скользкий уклон.

– Так, – сплюнула я волосы, слыша гул ветра. – Иди сюда! Титикака! Мама НЕ ИГРАЕТ! Марш сюда!

Конечно, так нельзя вести себя с разбалованным принцем. Но не на скользкой крыше самой высокой башни!

— Баловня! — позвала я, видя, что Титикака был несказанно рад, что я оказалась на крыше. На крыше прыгали маленькие птички, похожие на белых воробьев. Так вот почему мы здесь!

Мне удалось подняться еще выше, пытаясь дотянуться рукой до Титикаки. Он чирикал, словно птичка, радостно приглашая поиграть.

— Я кому по попе дам? — строго закричала я, мелькомглянув вниз. — А ну иди сюда! У мамы времени мало!

Мне показалось, или веревка стала тоньше. Она словно таяла на глазах, отмеряя время.

— Что?! — ужаснулась я, видя, что веревка стала полупрозрачной. Принц пятился, как вдруг исчез из виду. Я взобралась наверх, видя малыша, который уцепился когтями за крышу на противоположной стороне. Он висел на когтях, глядя на меня с ужасом. Когти скребли лед и черепицу, а я уже спускалась к нему, хватая его за лапы и втаскивая обратно на крышу.

— У-у-ур! — выдал прижатый к груди Титикака.

Что в переводе означало: «Все, мама! Пошли отсюда! Мне не нравится!». Мама пыталась отогнать деда кондратия, обнявшего мамину попу.

— Ты меня так не пугай, — прошептала я, чувствуя, что веревка превратилась в нитку. И тут поднялся ветер.

– Да это что? Проклятие какое-то?! – ужаснулась я. – Не было же такого ветра! Не было!!!

Ветер пытался скинуть нас с крыши, пока я пыталась понять, с какой стороны крыши окно.

– Врод-д-де бы т-т-тут! – посмотрела я на собственные следы. – Так, а теперь осторо-о-о-о-о!!!

Я лежала на крутой крыше, одной рукой схватившись за шпиль, а второй рукой прижав к себе Титикаку.

И тут я услышала страшный звук, словно крошится хрупкая черепица. Хрустит, как чипсы в пакете. Пальцы изнемогали и коченели на ветру. Я чувствовала, как меня стаскивает все ниже, как вдруг нас накрыла огромная тень, вырывая у меня из рук Титикаку. На меня смотрела страшная белая морда. От неожиданности я отпустила шпиль, видя, как Титикаку держат за шкуру.

Огромная лапа ударила по моей руке, поймав почти у самого края. Когти вцепились в рукав меховой куртки, слегка поцарапав руку.

Меня тоже схватили за шкуру. Мы вдвоем с Титикакой оказались примерно в одном положении. Несколько раз нас мотнуло в воздухе, а край крыши приближался.

– Нет, нет, нет! – в ужасе запаниковала я, видя, как с крыши слетает снег. – Аааааааа!

Я летела, по ветру в сторону ближайшего силуэта крыши. Никогда этого не забуду! Перед самым падением нас подкинуло, а мы приземлились. Стук сердца вытеснил все звуки,

на секунду оглушив меня.

– Рррр! – послышалось рычание, пока я приходила в себя. Я видела, как по обледенелой крыше соскальзывает огромный белый зверь, сжимая в зубах орущего Титикаку. В последний момент, как исчезнуть внизу, он бросил в меня принца.

Я схватила Титикаку за королевский хвост и подтянула к себе, в ужасе глядя на след огромных когтей, ведущий к пропасти.

– Сюда! Сюда! – слышались голоса справа. Справа было что-то вроде зубцов, на которых меховыми воробьями собрались зрители.

Я доползла до конца крыши и спустила им Титикаку, а сама с ужасом посмотрела вниз.

– Сюда! – тянули ко мне руки, пока я тряслась на холодном ветру, не в силах пошевелиться. – Сюда!

Я кое-как доползла до зубцов, где меня уже поймали руки и утащили в тепло. «Принц спасен! Принц спасен!», – слышались голоса.

– А его величество? – спросила я, вырываясь из их рук и припадая к окну.

Глава шестая. Няню приносят в жертву!

Во внутреннем дворе я видела огромного зверя, который ковылял в сторону раскрытых врат. Он подволакивал заднюю лапу.

– Ваше величество, вы как? – слышались голоса сбегających слуг.

– Аррррр! – слышался жуткий злобный рык, заставивший слуг шарахнуться по сторонам. И меня отпрянуть от стекла.

У меня по коже пробежали мурашки, стекло задрожало от страшного рева. Медленно, таща за собой лапу, он двигался по живому коридору. И стоило кому-то шевельнуться в его сторону, как он страшно рычал.

Все стояли, опутив головы и ждали, когда господин зайдет внутрь.

Моя рука скользнула по холодному стеклу, а внутри что-то перевернулось.

– Аррррр! – зарычал грозный Титикака, которого тут же отдали мне в руки.

– Пойдемте, – увлекали меня в лабиринты каменных коридоров. Рука бородатого не прикоснулась ко мне, словно между мной и рукой была невидимая аура.

– Может, его величество разориться разочек на решетки на окнах? – возмутилась я, бросаясь к окну и закрывая его наглухо.

– Ты сошла с ума! – хором выдали «коврики». – Принца и так считают узником, а тут еще и решетки на окнах в его башне! Ты понимаешь, что это грозит восстанием!

Стоило двери закрыться, я поставила руки в боки.

– Так, и кто это у нас тут возомнил себя скалолазом? – ругала я малыша, поглядывая на окно. – Кто у нас тут великий покоритель вершин? Чесатель и мотатель маминых нервов? А?

Титикака сделал вид, что в комнате есть еще один Титикака. И ругают его. Он спокойно достал кожного ежа и улегся поудобней, кусая ежа краем пасти.

– Я с кем разговариваю? – нахмурилась я. На меня поднялись сначала бровки, а потом скосились голубые глаза. Ежик несколько раз дернулся в пушистых лапах. – У нас тут есть еще Титикака? Интересно, где?

Я поставила руку козырьком в поисках «другого Титикаки». Этот Титикака тоже посмотрел по сторонам. И даже порычал! Осуждающе!

– Это что у нас за птичка? А? Белая, пушистая! – очень цензурно, минуя острые углы неподобающих выражений, пыталась я донести одну единственную мысль. Мама второй такой раз не переживет!

Титикака демонстративно и громко зевнул, как бы наме-

кая, что тоже не одобряет поведения «плохого Титикаки».

А потом он встал и направился к окну. С видом: «Сижу за решеткой, в темнице сырой», он тоскливо, как –то по собачьи смотрел в окно, заставляя мое сердце сжаться от грусти.

Его не выпускают гулять? Он что? Действительно узник?

От пережитого стресса хотелось есть. Я сама чувствовала себя страшным тигром, вгрызаясь зубами в остывшую картошку.

– Ар! – послышалось требовательное. Я замерла с картошкой в зубах, глядя на обиженное лицо принца. Я уже прослыла гурманом. Все что мама ест – это вкусно. Даже если это хлеб с майонезом! А то, что лежит в миске – это бе, гадость, не буду! Даже если это цельная курица.

И тут меня осенила гениальная идея. Я взяла тарелку, положила на нее мясо, видя, как малыш облизывается.

– Ам-ам-ам! – мусолила я зубами мясо, искоса поглядывая на Титикаку. – Нет, это мамино! Ты не стал есть!

«Как же так? Я и не стал? Нет, я буду есть!», – оживилась пушистая попа.

– Ам-ам-ам! – делала вид, что я впиваюсь в сочное мясо. И увела тарелку в сторону, чтобы уже наверняка.

Я вспомнила котика в гостях. Только я понесла суши в рот, как вдруг появилась кошачья морда. И глаза! Про глаза вообще отдельно! Они смотрели из-под стола так жалобно, словно я сегодня празднует день рождения не моя приятельница, а проходит заседание Клуба Живодеров. Мадемуазель,

я в последний раз нюхал еду только на картинке. Дайте кусочек...

Котик провожал каждый кусочек грустным взглядом с поволокой. Если бы меня мужчины провожали таким взглядом, я бы уже разменяла четвертого мужа! В тот момент, когда кусочек исчезал во рту, взгляд выражал такое отчаяние, словно мир рухнул.

Я не выдержала и протянула на ладошке суши, глядя на радость в голодных глазах.

– Фу, – отвернулся кот, который еще недавно намекал, что в последний раз сосал влажную салфетку, чтобы хоть как-то убить чувство голода.

Из темноты обижено вышла морда, а следом появилось огромное тело на тонких лапках – спичках. Он обиженно попытался запрыгнуть на кресло, но упал с него. Разобидевшись еще раз, он направился в прихожую и что-то уронил.

Я навсегда запомнила этот взгляд. И сейчас я смотрела в точно-такой же... Женщины будут без ума от Титикаки, если он научиться провожать их таким взглядом.

– Ладно, только чуть-чуть, – выдала я обмусоленное мясо. Сердце было не на месте. Я вспоминала то, как исчезает внизу огромный кот, бросивший мне в руки Титикаку. Перед глазами был живой коридор из слуг, пока раненый зверь шел в сторону замка. Жалость и уважение смешивались внутри, пока меня распирало от благодарности. Если бы не он, то я бы...

– Рам-рам-рам! – чуть ли не сожрал Титикака добычу вместе с пальцами, требуя продолжения.

Вот так мы «доели» целую тарелку. Я чувствовала, как меня одолевает усталость. Откинувшись на кровати, я старалась не думать о том, что было бы, если бы вовремя не подоспела помощь. Интересно, он сам увидел. Или ему сказали? Я на секунду представила, как бросив все, он мчится по коридорам замка, снося все на своем пути, выбирается на крышу и...

Где-то внутри меня теплилось маленькое «спасибо». Не каждый день тебе спасают жизнь на обледенелой крыше.

И тут я почувствовала, как на меня забирается Титикака. Он укладывается мне на грудь, заставив закашляться.

– Ой, – простонала я, видя, как он ворочается. Моя рука бессильно дернулась, пока Титикака вил себе гнездо. Но каждый раз что-то не помещалось. То попа, то морда. А нужно было, чтобы помещалось все! И это сильно расстраивало принца.

Я вспомнила дядю. Точнее его размеры. И представила, как такая огромная туша пытается угнездиться на «любимом месте».

– Ты понимаешь, что ты вырастешь, а грудь мамы нет? – простонала я, скосив глаза на пушистую попу.

Но, видимо, Титикака был уверен, что грудь у мамы молодая. И будет расти вместе с ним. Чтобы в будущем огромная пушистая тушка смогла взгромоздиться на маму цели-

ком и полностью.

— А ты не спросил, а маме удобно? — взывала я к королевской совести. Но, видимо, у них в роду совесть отсутствовала. Поэтому Титикака решил еще немного потоптаться на мне, пытаясь найти удобное положение.

Острые когти впивались в куртку, а я слышала чмоки. Титикака самозабвенно урча, сосал мой воротник, наминая его лапами.

— Пур-р-р-р! — урчал он на всю комнату, как мой старый холодильник. — Пур-р-р! Чмок-чмок-чмок! Пур-р-р! Чмок-чмок-чмок!

Они никогда раньше так не делал. И это вызвало у меня приступ умиления.

— Тук-тук! — послышалось в дверь.

— В-в-войдите, — голосом умирающего простонала я, пытаясь разглядеть посетителей.

На пороге, судя по тому, что было видно за белым мехом стояли коврики.

— Меня прижал ка-а-а-мушек, — жалобно заметила я, слыша самозабвенное урчание.

— Срочно дело, — переглянулись они. — Нам очень нужна ваша помощь... За принцем мы присмотрим! Не переживайте!

«Ваша»? Странно. С каких это пор я стала «вы»? Или у меня после приключения появились седые волосы так, что я теперь больше похожа на добрую бабушку?

– Пойдемте быстрее! – послышался голос.

– А как же? – скосила я глаза на Титикаку. Тот очнулся, устыдился своего порыва и слез на кровать.

– Я останусь с принцем. Накрою его магическим куполом, – послышался голос безбородого. – Не переживайте, принц будет в целости и сохранности! Только идите! Брат справится! Не переживайте! Нам **ОЧЕНЬ** нужна помощь!

– Что случилось? – встревоженно спросила я бородатого, который упорно вел меня по коридорам.

– Сейчас сами все поймете! – послышался голос. Я с тревогой обернулась. Может, не стоило оставлять Титикаку.

– Да не переживайте! – успокоил меня «коврик». – С принцем все будет нормально! До вас же как-то справлялись? Справлялись! С того момента, как няня вывалилась в окно...

– Что?!! – округлила я глаза. – Вы мне об этом не говорили!!! Няня вывалилась в окно?!!

– Забудьте, о чем я вам рассказал! Не было никакой няни! – отмазался бородатый. – Я просто пошутил!

– Нет, уж вы продолжайте! – настаивала я, замедляя шаг.

– Потом, все потом! – торопили меня. – Зато у вас появится возможность сказать «спасибо».

Спасибо... Я была бы не против поблагодарить его за спасение жизни.

С каждым шагом я слышала шум, словно что-то случилось. Он приближался и приближался, превращаясь из едва

различимого гула во вполне связную речь.

Мы вышли в огромный коридор, где сидели раненые. Ученики магов суестились вокруг стражника, выставившего на лечение окровавленную руку. Второй стражник терпеливо ждал, когда ему забинтуют голову. Служанка рядом всхлипывала, пока старый лекарь что-то шептал над ее раной.

И таких были десятки.

Словно только что здесь была кровопролитная битва.

– Нам сюда! Не обращайтесь внимания! – послышался голос бородатого, пока один стражник тащил второго по полу. Он был жив, но изрядно потрепан.

И тут я увидела длинный кровавый след, ведущий в сторону приоткрытой роскошной двери.

– Это туда или оттуда? – спросила я, слыша стоны.

– Это туда, – заметил бородатый. – Там его величество. Он серьезно ранен... Рана вызывает опасение, поэтому ему нужна помощь. Но... Тут есть одна загвоздка... Он никого к себе не подпускает...

– Arrrrr! – слышалось жуткое из-за двери. У меня даже волосы на руках зашевелились.

– Мы пытались ему помочь, – начал бородатый. – Но он, скажем так, не очень рад нас видеть... Может, хоть вы попытаетесь с ним поговорить? Убедите его, что ему нужна помощь?

– Rrrrrraaaax! – послышался раскат рева.

И я решила быть жутко неблагодарной сволочью, повернув обратно.

Меня остановили, перегородив дорогу.

– Ему нужна помощь! Рана серьезная! Но он слишком упрям. И никого к себе не подпускает! – заявил бородач. – И мы тут подумали....

Вокруг меня собиралась целая толпа. Я чувствовала, как мне кто-то сунул в руку моток бинтов.

– Что раз он вас два раза не тронул, то у вас получится?

Мне уже засовывали в руку склянку.

– У меня нет медицинского образования, – заметила я, глядя в темную щель, к которой вела кровавая дорожка. – Я далека от этого! Я даже не ветеринар, если речь идет... Тоже мне, нашли Айболита!

– Я всему научу! – скрипучим голосом произнес старый лекарь. – Вот зелье для промывания раны, вот зелье для заживления, вот компресс из заживляющей настойки...

Мне пытались сгрузить подписанные флаконы. А я упорно не хотела их принимать. Только вот разбить их тоже как-то не сильно хотелось. Мало ли, лекарства нынче дорогие!

Только сейчас я заметила, что толпа медленно, но верно теснит меня в сторону страшной двери.

– Да, но я... – застыла я перед самой дверью, за которой сидел разъяренный тигр упорно не желающий лечиться.

– Ррррааааа! – донеслось до меня из черной щели, заставляя оцепенеть от ужаса. Нет, я туда не пойду! Я жить

хочу!

Глава седьмая. Доктор Айболит лечит только тех, кто не кусается!

– Нет! – ужаснулась я, слыша притаившуюся жуткую тишину в темной комнате. – Нет-нет-нет!

Искать раненого тигра в темной комнате я не хотела. К тому же он меня найдет быстрее.

А я, между прочим, уже видела, что тигры делают с дрессировщиками!

– Он никого к себе не подпускает! – убеждали меня, осторожно тесня к двери. – Но вас он не тронул целых два раза! Мало кто может этим похвастаться! Так что у вас есть шанс!

Хнык-хнык, я не хочу туда! Там затаилось раненое и разъяренное чудовище. А я не получала диплом по лечению раненых и разъяренных чудовищ!

– Он потом отойдет, и будет вам очень благодарен! – убеждали меня, пытаясь всеми силами не оставить мне выбора.

– А меня кто потом по кускам собирать будет? – взмолилась я, прижимая к груди бинты и флаконы.

Трень! Трень! Послышалось неподалеку.

– И смелая дева к зверю вошла... – пропел кто-то густым голосом. И тут же прокашлялся. – Не в той тональности!

– Я еще слишком молода, чтобы стать героем! – ныла я, упираясь из последних сил. – Давайте он там сам как-нибудь

себя полижет! И рана заживет!

— И дверь закрылась за ней... — в другой тональности, уже намного выше, прозвучал голос. — Так, теперь мне не нравятся слова!

— Может, мы все дружно войдем, набросимся на него, запеленаем и осмотрим? А? — предложила я отличную идею. — Лапу только вытащим! И в рот что-нибудь дадим, чтобы не кусался... Нет, а что? Мы так кота купали с подругой! Поверьте, там еще страшнее было! А вообще, знаете, как котикам лекарства дают? В валенок его и пасть разжимают! У вас есть большой- большой валенок, чтобы туда поместилось все его величество? А если мерять температуру, то мордой вниз! В попу термометр... А потом нужно кинуть валенок в другой конец комнаты и... бежать... Да....

Я поняла. Озвучивать гениальные идеи дрожащим голосом ни в коем случае нельзя!

Меня провожали взглядом: «Иди, иди!». И желающих ловить его величество в огромный валенок не было. Мне кажется, даже рев в комнате притих. Слушает, видимо... На усматривает...

— Ладно, я просто посмотрю! Все ли с ним в порядке! — выдохнула я, закрывая глаза и хныча. Мне пришлось выдохнуть, чтобы собраться с духом. — Но если что, я сразу выбегу! Договорились? И пусть этот... лекарь будет готов! Надеюсь, вы меня отобьете...

— Отобьем! — закивали мне. — Только иди!

– Ой, а у него, случайно не ужин по расписанию? А то просто у меня есть такое предчувствие... Нехорошее! – упиралась я.

– Иди!!! – хором провожали меня.

Я осторожно приоткрыла дверь, ступая в темноту. В комнате было темно до такой степени, что у меня прогнулись колени. Он может быть где угодно! Главное, чтобы не бросился....

Маленькими шажочками, словно японская гейша, я продвигалась в комнату.

– К-к-кис-кис-кис, – жалобно и тихо выдала я, готовясь в любой момент дать деру. – Вы г-г-где?

Внезапно меня едва не снес жуткий рык. От этого рыка чуть не вылетели стекла. Я посмотрела на кровавую дорожку, которая уже тянулась по ковру куда-то прямо и налево.

Сколько же он крови потерял?!

– Так, скорую помощь вызывали? – прокашлялась я, понимая, что меня еще не съели. – На что жа-жалуетесь?

– Rrrrr, – слышалось затаенное рычание слева. От зашторенного окна падал тусклый свет, придавая предметам очертания.

И тут я увидела его. Возле кровати лежал огромный зверь, к которому вела кровавая дорожка. Он разлегся на роскошном окровавленном ковре, вылизывая лапу. Из лапы бурой струей текла кровь. Вся морда его была в крови. Такое чувство, что он кого-то сожрал до меня!

Ого! Да тут хуже, чем я думала! Ничего себе рана!

– Ваше величество! – позвала я, слегка осмелев. – Вы...

А, вот вы где...

«Арррр!»), на меня тут же оскалили окровавленные клыки, как бы намекая, что заживет, как на собаке.

Вот так всегда бывает. Живешь себе, и не знаешь, сколько у тебя скрытых талантов.

Я не знала, что умею прыгать задом на два метра. Если бы знала, то давно уже вошла бы в какую-нибудь олимпийскую сборную по прыжкам попой вперед, выиграла бы золотую медаль и гордилась до самой смерти.

Нужно было с чего-то начать диалог. С чего-то успокаивающего, нейтрального. Главное – говорить нужно уверенно и спокойно.

– Вы знаете, что такое ... гангрена? – спросила я, едва не выронив флакончик с зельем.

– Аррррр.... – послышался тихий и зловещий рык.

«Не показывай свой страх!», – твердил мне внутренний голос. «Хищники его чуют и тут же нападают!», – продолжал капать мне на нервы все тот же голос.

– Рррррахххх! – дернулось вперед его величество, заставив меня замереть. «Не вздумай отступить! Не показывай страха! Я кому говорю!», – рычал внутренний голос. – «Напади на него! Он этого не ожидает!».

Ага, сейчас, завешание разглажу!

«Если вас съели, у вас есть два выхода!», – утешал меня внутренний голос. – «Представь его величество, которое мучается изжогой по твоей вине!».

– Не м-м-могу! – вздохнула я, зажмурившись.

– Арррр! – снова дернулся в мою сторону огромный зверь, намекая, что подойти к себе не даст!

Так, ладно! Сначала шокируем, а потом лечим! Все-таки он жизнь спас! «Помни, он еще и мужик!», – намекнул внутренний голос. «Интересно, кто в нем сильнее? Зверь или мужик? Как бы проверить?», – задумался внутренний голос.

– Арррр! – набросилась я на него расставив руки, понимая, что это последнее, что сделаю в жизни. В ответ мне был такой же страшный рык. У меня чуть волосы не сдуло. Стекла в окне задрожали, а в коридоре послышался перепуганный топот. Меня отмело на несколько шагов назад.

– Ладно, – вздохнула я, расстегивая куртку. Огромный зверь вылизывал свою рану, искоса глядя на меня.

– Опа! – распахнула я куртку и тут же запахла ее обратно.

Челюсть тигра отпала. Он застыл, глядя на меня странным взглядом. У него челюсть отпала. Он, видимо, ожидал всего, но не этого.

– А теперь давайте сюда лапу, – осторожно попросила я, слегка осмелев – Мы ее посмотрим... Я ничего делать не буду... Просто посмотрю...

– Аррр, – оскалились на меня, подгребая раненую лапу

под себя.

– Ой, да ладно тебе! – вздохнула я. – Ну-да, сначала «аррр», потом нагноение, потом сепсис, а потом торжественные похороны! Вы этого добиваетесь?

– Рррр! – угрожающе рычал огромный зверь. Он всем видом как бы намекал, что сожрал уже не одного доктора Айболита.

– Тихо, тихо! – успокаивала я это чудовище. – О, как тут все плохо...

Надеюсь, он не видит, как дрожат мои руки, сгружая пузырьки на окровавленный ковер.

– Арррррррр! – дернулся тигр, а я опрокинулась, готовясь отползать. Где огромный валенок? Мне срочно нужен валенок!

– Короче, ваше величество! У вас есть распоряжения по поводу ваших грядущих похорон? Пожелания? – заметила я, доставая последний козырь. – Вообще-то, мне целитель сказал, чтобы я попыталась. А если попытка провалится, то мне нужно выяснить распоряжения на счет похорон. Итак, я внимательно слушаю!

Огромный белый зверь рычал, не сводя с меня нехорошего взгляда.

– Все ждут, не дождутся вашей скорой кончины, – заметила я, мысленно беря себя в руки. – Так как? Вас как-то приодеть? Закопать или сжечь? Пожелания есть? Я все запомню!

– Рррр, – послышалось недовольное рычание, а больная

лапа медленно выдвинулась ко мне. Отлично! Мы почти договорились!

– Так, я смотрю, а вы стараетесь не откусить мне голову, – предупредила я, бросая мельком взгляд в глаза хищнику. – Ой, мамочки! Ой-е-ей! Кровищи сколько! О, да тут гранд-каньон! Хотя нет! Тут ... есть на что посмотреть... Квалифицированному специалисту! Так! Лапу пока не убирайте! Сейчас я посмотрю, что у меня тут есть...

И маленький доктор Айнекусай, ближайший родственник доктора Айболита, стал перебирать флаконы.

«Обеззаразить», – прочитала я чей-то кривой почерк на флаконе. Я вытащила пробку зубами, вдыхая едкую вонь. От такой вони, я чуть не окосела. Когда глаза вернулись в прежнее положение, я протянула руку к окровавленной лапе.

Лапа опять потянулась к туловищу, как бы намекая, что все, посмотрела? Посмотрела! Достаточно! Лапу мне отказывались выдавать. Зато звиздюля – пожалуйста!

– Ну-да, ну-да, спасайте свои бактерии и всякую бяку! Правильно! Ну-ка, одну минутку! А! У собачки болит, у кошечки болит, у блошки болит, а у его величества все зажи-ви-зажи-ви-зажи-ви! Как дал лапу, так и полечила! А теперь прикидывайте, как будет здорово смотреться с вашим именем прозвище Одноногий! – вздохнула я, видя, как дрожит в руке флакон.

Лапа милостиво выехала.

– Не ссы, Капустин, – сказала я себе, пытаюсь понять, где

среди меха и пуха затаилась рана. Он так страшно дышит, что у меня руки трясутся!

Я дотронулась до лапы. А зря! На меня бросились так, словно я не рану обрабатываю, а прищелкнула ножницами со словами: «Весна придет, то не для тебя, пушистик!».

– Да знаю я!!! – рявкнула я в ответ. – Больно! Знаю! Вы мужик! Терпите! Нашла! Ой!

Отвернувшись и подсматривая я стала поливать рану. Мне казалось, что половина флакона уже расплескалась вокруг. Но я утешала себя мыслью, что в рану тоже наверняка что-то попало.

– Арррррррр! – страшный рев едва ли не заставил меня выронить флакон. Я вжала голову в плечи. Огромные челюсти клацнули прямо перед самым носом. – Рррр...

Мне показалось, что у меня лицо сейчас сдует. В последний раз смерть дышала мне в лицо, когда мы с приятельницей везли кота на кастрацию. Она вызвала меня, поскольку одна она не справится. Хотя, я подозревала, что в процессе записывания кота в переноску должен выжить хоть кто-нибудь, чтобы рассказать о несчастной судьбе товарища.

– Вот и славно, – выдохнула я, трясущимися руками беря еще один флакон. Нет, не то! – Вот и славно...

Одной рукой я осторожно кралась к «эрогенной зоне» возле уха. А второй перебирала флаконы. Нашла!

– Ар! – мотнуло головой его величество, а потом замерло.

– Анестезия! – вздохнула я, потрепав его за ухом. – Но

могу и подуть на рану! Афу-у-у! Афу-у-у! Так легче?

«Остановить кровь», – прочитала я на пузырьке, зубами вытаскивая пробку. Ой! Мама дорогая! Фу-у-у-ух!

– Не дергайся! – предупредила я, помолившись Айболиту напоследок. – Сейчас может щипать! Тут так написано! Давай на счет три? Ра-а-аз, два-а-а...

И тут я плеснула! От неожиданности его величество взревел, пытаясь встать. Меня опрокинуло на ковер. Но огромный зверь тут опустился обратно, рывкнув мне напоследок в лицо.

– И у нас остается зелье заживления! Ничего, завтра вы будете как огурчик! – нервно искала я в пушистом ковре последнее зелье. Вот оно! Чуть не раздавила! – И я неплохо буду смотреться в гробу в белых тапочках! Ну! Поехали! Так, терпите! Просто терпите!

Я снова вытащила зубами пробку, сплюнула ее в сторону и плеснула на рану.

– Ррррааххх! – бросили на меня, выбивая из рук флакон. Меня опрокинуло на ковер. Я пыталась заслониться руками, как вдруг почувствовала боль. Тигр был уже в другом конце комнаты, зализывая рану и злобно глядя на меня.

– Жить будете! – нервно выдохнула я, хватая бинты и прикрывая рану на животе. Даже смотреть не хочу, что там.

Вроде бы не так страшно, раз я еще жива и могу ходить. Я встала и направилась к двери.

– Ну что там? – напали на меня, не давая вставить сло-

вечко.

– Пропустите ее! – рявкнули на всех волки, сверкнув желтыми глазами. Все тут же уgomонились.

– Что случилось? Ты пахнешь кровью? – встревожились «коврики».

– Целителя бы мне, – простонала я.

– Пойдем, пойдем, – торопили меня, уводя подальше от любопытных глаз. – Мы сами все сделаем!

– А почему нельзя целителя? – удивилась я, чувствуя неприятную боль и видя, как бинты наполняются кровью.

– Представьте себе, – послышался голос бородатого, а меня вели в сторону моих покоев быстрым шагом. – Народ уже узнал, что у наследника есть няня. И теперь все узнают, что няня – ранена. Наследника мы стараемся не показывать лишний раз, чтобы спасти жизнь. Встанет вопрос, а что с наследником? Его величество против того, чтобы лишний раз рисковать жизнью принца. Народу ничего не объяснишь. Опять начнутся волнения. Так что вам лучше потерпеть до комнаты. Еще немного осталось... Потерпите! Вам придется сохранить это в тайне!

– Значит, все-таки нет, – послышался голос второго, который открывал перед нами двери. – Нам показалось! Если бы «да», то он бы не смог ее ранить...

– Ты всех меряешь по нам, волкам. У кошек может быть все иначе, – буркнул бородатый. – На кровать ее! Сейчас попробуем осмотреть и стянуть рану.

Дверь закрылась, а ко мне сунулся Титикака. Как всегда вовремя.

– Да малыш, мама занята-а-а! Мама умира-а-а-ет! – пискнула я, чувствуя, как приятное покалывание заклинивания перерастает в острую боль стягиваемой кожи.

– Вот, кое-как! – отряхнул руки начинающий хирург. – Только несколько дней постарайтесь воздержаться от наклонов!

– Послушайте, – простонала я, пытаюсь наложить на себя повязку. – Это до восемнадцати лет наклоны полезны для здоровья! А после восемнадцати – это риск для жизни! И резко наклоняться можно только в присутствии реанимационной бригады скорой помощи, зарезервированного места на кладбище и нотариуса с завещанием в руках...

Я ощупала повязку, понимая, что не так страшно, как я придумала. И успокоилась.

– Никому не говорите об этом. И мы не скажем! – послышались голоса возле двери. – По угрозой смерти никому не слова!

Глава восьмая. Это не я!

– От этого зависит судьба принца, – добавил бородатый. – Всем все не объяснишь. Многие просто ищут повод. И им без разницы, кто виноват, а кто прав.

Я слушала их в пол уха, обещая завязать с карьерой ветеринара.

– В первый и последний раз, – процедила я, пытаюсь улечься поудобней. – Титика-а-а-акака!

Я простонала, чувствуя, как малыш топчется по мне, пытаюсь найти уютное местечко. Он нашел кусок одеяла и стал причмокивать с самозабвенным наслаждением, наминая мне ногу острыми когтями.

– Мамина нога не тесто, – простонала я, пытаюсь согнать его жалобным взглядом. Но, видимо, эти полосатые были другого мнения. Если один решил сделать из меня фарш, а второй пельмешки.

«Может, нужно было позвонить родителям?», – кольнула тревогой совесть. – «Предупредить их...».

Пока совесть аппетитно чавкала моими нервами, я пыталась улечься поудобней. Но если на тебе спит тигриная тушка, то под словом «поудобней» подразумевается возможность дышать и шевелить хотя бы ногой.

Титикака решил, что мне срочно нужна грелка на все тело. Но, поскольку он еще не дорос до размеров полноцен-

ного одеяла, он решил поочередно греть то ногу, то руку, но грудь, то голову.

Если где-то есть Камасутра для влюбленных пар, то я требую издать Камасутру для мам! И обязательно включить позы: «Мама одной ногой на полу», «Маму прижал камушек» и «Мама – футбольный мячик».

Пушистая шапка-кошанка наконец-то улеглась и захрипела.

Снился мне сон, словно я лежу на пляже. Одна нога моя была на влажном песке, куда не доставал прибой. Кричали чайки, шумели волны и ...

Я открыла глаз, видя огромную чайку, которая срочно требовала есть. Так! А что это у нас?

Есть вещи, которые не хочется увидеть утром в постели. К ним относитсядохлаямышь, маньяк – душителъподмышкой и таракан. А тут был завтрак.

Пределом мечтаний любой девушки является завтрак в постель. Так вот, мне его принесли. Правда, если приняться это был не совсем завтрак. Скорее, ужин... Но кто я такая, чтобы придирааться?

Завтрак прятался в одеяле, а на простыне была лужа.

Я проверила, автором ее была не я! Во взгляде Титикаки читалось: «Совестъ – не блохи! Не съест!». Он не унывал.

– Так, а кто это у нас ... Ой! – привстала я, чувствуя боль. – Романтичный такой?

Титикака поднял на меня красивые, честные глаза. Во

взгляде его читалось, что это – вовсе не он!

Он даже порывал на дверь, намекая, что откуда пришла беда.

А поскольку по моим подсчетам в замке было всего два... хм... Титикаки, то, скорее всего это был злой и жестокий дядя! Да! Точно он!

А я – маленький скромный Титикака, тут вообще не при чем! Это злой дядя просочился в комнату, навалил кучку мне в одеяло. В благодарность за все мои труды и риск для жизни! Заодно и поделился своим мнением по поводу моего присутствия в замке.

Так зря я тут строго смотрю на бедного Титикаку. Это все он! Узурпатор!

– Я не ругаю, – вздохнула я, но лучше бы этого не делала! – Ты же раньше на лоток ходил? Что случилось?

– Рррррыы! – выдал Титикака, рыча на дверь.

– погоди, ты ... приревновал? – спросила я, глядя в доверчивые глаза. – Приревновал меня? И решил... Ой, фу! Пометить? А, плохая мама тискала и чесала другую кису... Да? За ушком чесала? А должна чесать только Титикаку! Только его!

– Аррр! – радостно согласился Титикака, пока я с трудом понимала, как это все отстирывать. И входит ли это в обязанности няни!

Я попыталась погладить малыша по голове, но обалдела от боли.

– Ой! – скривилась я, решив выбрать другое время.

Какая-то добрая душа принесла еду и платье. Почему-то белое, но плотное, с длинным рукавом! За неимением другого, я осторожно стала надевать его перед зеркалом. Кто-то мне сильно польстил в груди и недооценил по росту, поэтому платье село кое-как, намекая, что неплохо бы иметь на груди подушечку для принца.

Мама сидела на краю кровати и делала вид, что зверски терзает мясо и делится неохотно. Хотя на самом деле тихо жевала овощи. Под конец трапезы, я собиралась сгрести одеяло и отнести его куда-нибудь. Чтобы никто случайно не вступил в местную оппозицию и не размазал ее по ковру. Только я приоткрыла окно для проветривания и собрала одеяло в кучку, как вдруг...

Дверь открылась неожиданно и без стука. Я даже подпрыгнула на месте.

В комнату, прихрамывая, вошло его величество. Его белоснежный мех на плечах отразился в зеркала. Одевание с серебристой вышивкой искрилось, словно иней.

– Здравствуйте, – поздоровалась я, удивленно глядя на его походку. Его величество был один. Ни свиты, ни слуг.

– Почему не поклонилась? – произнес он так, словно не я бегала за ним вчера с бинтами и перекисью.

– Ты обязана соблюдать правила для слуг, – произнес он, мельком глянув в мою сторону. – Я не допускаю фамильярности.

– Ах, простите, – вздохнула я, вспоминая, как вчера доктор Айболит бежал наперегонки с доктором Айпипец!

Я кивнула головой, удивляясь его появлению здесь не меньше, чем Титикака.

– Итак, – произнесло его величество, подметая роскошной меховой мантией пол. Он присел в кресло, пристально глядя на меня. – Я пришел предупредить, что скоро церемония имянаречения. Повторная. И все должно пройти гладко. Это раз. Второе. То, что ты – няня для наследника, не дает тебе право вести себя, как член королевской семьи. Я закрываю глаза на то, что ты тискаешь наследника, хотя это не допустимо. Но себя я не позволю тискать. Это понятно?

Ой, а мне прямо так хочется! Прямо аж руки тянутся!

Я так понимаю, он зашел поблагодарить! И просто не знает, с чего начать!

– Третье. Все, включая придворных обязаны, когда я отдаю распоряжения, стоять в поклоне. И сейчас ты нарушаешь это правило, – произнесло его величество, скользнув по мне взглядом. – Других я наказывал за меньшее. Так что будь так любезна, когда разговариваешь с королем, замереть в поклоне. Любое проявление неуважения, подрывает мою власть. Следовательно, если будет государственный переворот, вас с принцем ждет не самая завидная участь. Что бы вам не пообещали.

Наклоняться ужасно не хотелось. Тем более, что мне было больно.

– А ничего, что я тоже королевских кровей! – вдруг вспомнила я. – И склоняться не обязана...

– Это я знаю, что ты королевских кровей. Но другие об этом знать не должны. Для всех ты – просто еще одна служанка, – холодно произнесло его величество. – А теперь я хочу видеть, как ты будешь кланяться на церемонии. Учти, когда у тебя на руках принц, ты не кланяешься. Когда принца на руках нет, ты обязана поклониться.

– А можно не сейчас? – заметила я, словно отвечаю на уроке.

– Немедленно, – в голосе прозвенел металл.

– Давайте в другой раз, – уклончиво заметила я. – Я пока перед зеркалом потренируюсь.

– Я сказал! Сейчас! – прозвенел голос.

– Ладно, – прошептала я, морщась и начиная медленно наклоняться. Ой! Я опустила глаза и увидела, как по белоснежному платью растекается кровавое пятно. Заклинание разошлось!

– Достаточно! Запомнила, как? – послышался голос, пока я пыталась заслонить руками кровь. Перед глазами все поплыло.

– Ну вот и хо... – донесся до меня величественный голос, когда пятно уже стало больше, чем мои руки.

– Что с тобой? – голос его величества внезапно изменился. Это был уже не тот холодный и величественный. Скорее, настороженный. – Откуда кровь?

– Все в поря... – прошептала я, пытаюсь изобразить улыбку. Я покачнулась, в надежде, что в сторону кровати. Мне казалось, что он сейчас отойдет в сторонку и перешагнет через меня.

– Сюда иди! – рявкнули на меня, подхватывая на руки. – Кровь откуда?!

– Да так... – слабым голосом прошептала я, пытаюсь убрать его руки.

– Я тебя, кажется, спросил! – слышался голос, когда я пыталась нащупать одеяло, чтобы прикрыть. – Не отвечаешь? Хорошо!

Он резко дернул платье, разрывая ткань. И увидел съехавшие, пропитанные кровью бинты.

– Что случилось? – слышались голоса в коридоре. – Ваше Величество!

В комнату влетели волки. Увидев кусок окровавленного платья в руках его величества, они в ужасе переглянулись. Видимо, они были уверены, что мною тихо завтракают!

– Когда это случилось? – слышался голос его величества. Я отвернулась, как бы не желая отвечать на этот вопрос.

– Я с кем разговариваю? – мое лицо повернули к себе. – Вы! Двое! Проверьте принца!

– Со мной, – сглотнула я, чувствуя себя уточкой в чужой руке.

– Я что спросил?! – рявкнули на меня.

Почему все приличные девушки умеют падать в обморок,

а у меня не получается? Чтобы вот так вот: «Ах!» и все! Прикинуться дохлой, чтобы неприятности посмотрели на тебя, потоптались вокруг и отстали. Но я так не умею!

– Ваше величество! С наследником все в порядке! – слышались голоса, заслоняемые белым мехом. – Он цел и невредим!

– Кто это сделал? – послышался вопрос, на который мне не очень хотелось отвечать. Может быть, потому что я бы на его месте, узнав правду, очень расстроилась. Я вспомнила вчерашнюю рану, поморщилась, представляя, какая это боль. Еще бы! Я бы, наверное, полкомнаты разнесла, всю кровать исцарапала и оставила бы инвалидами половину дворца. И нашли бы меня на шкафу. И это при условии, что я вовсе не умею оборачиваться огромным котиком.

– А вы к каждой служанке приходите и рассказываете ей, как она должна себя вести? – спросила я, чтобы отвлечь его.

Этот вопрос взял его величество за ручку, отвел в тупик и поставил его. Мне делали страшные глаза «коврики», требуя, чтобы я впредь задавала такие вопросы только после того, как составлю завещание.

– Я задал тебе вопрос, и ты на него не ответила, – процедило его величество.

Мне отрицательно мотали головой, показывая, что приличные девушки на такие вопросы не отвечают.

– Приведите целителя, – произнесло его величество, повернувшись к двум «клоунам». Те моментально сделали та-

кие лица, словно телохранители телохранителей, которые не улыбаются даже с детских фотографий.

– Ваше величество. По дворцу пойдут сплетни, – произнес бородатый.

То, что целитель – главный сплетник, я уже усвоила.

– Тогда скажите, что мне стало хуже. Рана открылась. Пусть даст все необходимое, – произнес его величество. Что? Он решил поиграть в доктора? В этот момент мне хотелось заползти под коврик и прикинуться раздавленным тараканом.

– Сию же минуту! – ломанулся из башни безбородый.

– Отвечай, кто это сделал? – произнесло его величество, пристально глядя на меня. – Я не шучу. У меня заканчивается терпение. – Отвечай... Не бойся.

Я глубоко вздохнула. Мне сейчас проще прикинуться дохлой, чем отвечать на вопрос.

– Это сделали вы, ваше величество. Вчера, – слышался голос бородатого. – Когда она вышла, мы сразу учуяли запах ее крови. Она еле дошла до комнаты. Мы кое-как стянули рану.

– Почему мне сразу не сказала? – произнесло его величество ровным голосом.

– Не хотела вас расстраивать, – вздохнула я, видя, как несут все необходимое.

– Все в замке предупреждены, что если я ранен, то ко мне нельзя подходить. Единственное, что лучше сделать, так это

просто держаться подальше от моих покоев. Неужели это так сложно усвоить?

Голос его величества даже не дрогнул

– Это вы виноваты. Вы ее притащили! – рявкнуло его величество, поворачиваясь к «коврикам».

– Можно мы окажем помощь? – спросил бородатый, испрашивая разрешение ко мне прикоснуться.

– Да, – произнесло его величество. В тот момент, когда развязывали окровавленные бинты, я подняла глаза и увидела, как его величество ревниво следит за каждым движением. Я видела, как он тяжело дышит, когда флакон пролился прямо на меня.

– Ааааааа, – заорала я, не помня себя от жгучей боли.

Что было дальше я помню плохо. Помню, как ощупывала рану, которая напоминала застарелый рубец, но все еще ныла. Я почему-то сидела в углу кровати. Подушки были разодраны. Балдахин сорван. У бородатого на лице красовался кровоподтек. Безбородый рассматривая руку, на которой виднелись следы, как от укуса.

– В следующий раз будете лечить ее сами, ваше величество, – послышался голос бородатого. Тот стоял, глядя на меня странным взглядом. Понимаю, разъяренный хомяк опасней стаи волков.

Только сейчас я заметила, что в руках у меня был приличный клочок волос. Волосы были длинными и белыми. При условии, что «коврики» были темноволосыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.